

ГЛАВА III

ПОСЛЕ РАЗВАЛА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: АБХАЗИЯ В 1917–1925 ГОДАХ. ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

I

В годы сталинских репрессий абхазам было запрещено называться народом. Именно в этот трагический период появляется на свет «теория» грузинского литературоведа П. Ингороква. Ее появление совпало по времени с 1949–1951 гг., когда вслед за депортацией греков и турок из Абхазии готовилось выселение и самих абхазов. Именно в эти годы были опубликованы отдельные главы Ингороква, вошедшие затем в его книгу «Георгий Мерчуле – грузинский писатель X в.» (Тбилиси, 1954), где он выдвинул тезис о том, будто абасги-абхазы античности и средневековья не являлись предками современного абхазского народа, а были грузинами. Нынешние же абхазы, писал Ингороква, это племя апсуйцев (от самоназвания абхазов – «апсуа»), осевшее на территории Абхазии лишь два-три столетия назад. Таким образом, под возможное будущее выселение абхазов подводилась идеологическая «база», и абхазы представлялись как «гости» и временные жители на грузинской земле. Однако в связи с устранением Л. Берия планы депортации абхазов не успели осуществиться.

После выхода в свет книги Ингороква в печати появилась серия статей видных грузинских и абхазских историков и лингвистов (З. Анчабадзе, Н. Бердзенишвили, Х. Бгажба, К. Ломтатидзе и др.), которые подвергли обстоятельной критике этот миф и уличили автора в грубом искажении фактов. Однако, спустя десятилетия, с конца 1988 г. происходит реанимация «идей» Ингороква. Молодой грузинский исследователь Торнике Гордадзе следующим образом охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «Можно лишь сожалеть, что книга Ингороква обрела вторую жизнь в 80–90-х годах с легкой руки грузинских диссидентов. Такая “теория” неизбежно вызвала резко отрицательную реакцию абхазов... В условиях тотальной этнизации грузинского общества и при отсутствии зрелой государственности это привело к началу острой полемики об исторической геомифологии, т.е. о том, кто куда первым приехал. При этом

совершенно ошибочно подразумевалось, что приехавший первым имеет какое-то особое право на эту землю. Такая же геомифологизация присуща и другим конфликтам посткоммунистического мира (Карабах, Косово, румыно-венгерский спор о Трансильвании и т.д.)»¹.

Основываясь на грубой фальсификации Ингороква, лидеры тогдашней Грузии З. Гамсахурдиа, М. Костава, А. Бакрадзе и др. на митингах в Тбилиси, Сухуме, Гагре, в периодической печати стали открыто заявлять и внушать картвельскому населению, что Абхазия – это грузинская земля, а абхазы – это грузины. Особенно старались отличиться многочисленные грузинские писатели. Ежедневно печать, радио и телевидение Грузии провоцировали абхазов, заявляя, что они « гости » на грузинской земле, что они « апсуйцы » и их нужно лишить даже « автономии ».

После грузино-абхазского вооруженного конфликта ситуация в грузинской историографии по вопросу об Абхазии еще более ухудшилась², так как большинство ученых являются сторонниками мифотворчества Ингороква, считая, что Абхазия всегда была населена грузинами. Некоторые из них забыли о своих более ранних работах и сейчас пишут как « надо », как все. Очень немногие историки придерживаются теории « дваборигенности » Абхазии, и лишь один, Г. Анчабадзе, говорит об абхазах как автохтонном населении Абхазии с древнейших времен.

Конечно, помимо грузинских историков и литераторов есть иные представители грузинской элиты, ее новая волна, которая по-другому расценивает мрачную роль Ингороква в новейшей истории и с пониманием относится к истории абхазского народа и абхазской проблеме в целом. За свою гражданскую позицию они подвергаются нападкам со стороны « именитых » соотечественников. Так, не успел Давид Бердзенишвили высказать свое мнение о некоторых процессах в грузинском обществе и государстве, как тут же получил суровую отповедь со страниц официальной *Свободной Грузии*. В интервью Радио « Свобода » директор Национальной парламентской библиотеки Грузии Леван Бердзенишвили о современном состоянии исторических исследований сказал буквально следующее: « ...У нас нет истории, у нас есть М. Лордкипанидзе. Она хороший человек, но это не история. Мнение Лордкипанидзе – это мнение грузинского прошлого »³.

Можно сказать, что грузино-абхазские отношения заметно ухудшились после публикации коллективной монографии « Разыскания по истории Абхазии/ Грузии » (Тбилиси, 1999). Книга вышла в ответ на « Историю Абхазии » (Сухум, 1991; Гудаута, 1993), которая была издана под моей редакцией. Ответ пришел спустя почти 10 лет. Следует напомнить историкам из Тбилиси, что, пока они готовили свой труд, в Лондоне под редакцией британского академика картвелолога Джорджа Хьюитта вышла новая книга « The Abkhazians » (« Абхазы »)⁴. В ней подробно говорится о теории Ингороква и приводятся такие сведения об абхазах, мегрелах и грузинах до XVII в., которые могут помочь добросовестным авторам разобраться в истине. Пред-

лагаю ознакомиться и с другими работами этого английского ученого⁵, одна из которых, между прочим, была опубликована в 1998 г. под весьма красноречивым названием: «Роль ученых в потере абхазами доверия к грузинам, и как оздоровить ситуацию»⁶.

Таким образом, обстановка в современной грузинской историографии очевидно неблагоприятна, а вышедший «академический» труд «Разысканий», за редким исключением, проникнут духом Ингороква. Его миграционная версия в классическом виде (XVII в.) или в более модернизированном варианте представлена в статьях М. Барамидзе, Д. Мусхелашвили, Г. Жоржوليани и других авторов. Изменилась и позиция такого известного исследователя как О. Джапаридзе, который коснулся темы этнокультурной ситуации Северо-Западного Закавказья в эпоху камня и раннего металла. Ныне взгляды ученого «эволюционируют» в сторону двуборигенности, и не исключено, что эта метаморфоза связана с определенным «патриотическим» давлением.

Ситуация, сложившаяся в грузинской историографии, не может не настораживать абхазское сообщество, так как и грузины, и абхазы в своей ментальности очень болезненно реагируют на различные изыски исторического характера. Положение именно в этой области является точным барометром действительного расклада в грузино-абхазских отношениях и самым серьезным образом препятствует политическому урегулированию между Грузией и Абхазией. Да и как можно урегулировать конфликт, когда между сторонами стоит «теория» Ингороква о прищлости абхазов в Абхазии? Именно это мнение, по словам историка Г. Анчабадзе, ввиду своей недвусмысленности и легкодоступности ныне широко распространено среди населения Грузии⁷, «грузинской интеллигенции, особенно неспециалистов»⁸. Так, литературовед П. Ингороква еще полвека назад положил начало «политизированным научным спорам», и «историческая тема в грузино-абхазских отношениях стала предметом нагнетания страстей»⁹, активным участником которых в свое время был и З. Гамсахурдиа¹⁰. В этой связи необходимо отметить, что столкновению 1989 г. и войне 1992–1993 гг. предшествовали крайнее напряжение в историографии и даже настоящая «битва» между грузинскими и абхазскими учеными, перенесенная со страниц научных изданий в средства массовой информации.

II

Но вернемся к упомянутым «Разысканиям». Что касается древней и средневековой истории, то, надеюсь, что в ближайшее время абхазские ученые дадут необходимые разъяснения по затронутым проблемам. Я же коснусь некоторых трактовок, фактов и положений, которые лишь частично затрагивают XIX в., но основное внимание уделено ключевому периоду истории Абхазии XX в. – 1917–1925 гг.

Новой и новейшей истории Абхазии посвящены, в частности, следующие статьи «Разысканий»: Г. Пайчадзе «Абхазия в составе Российской империи (1810–1917 гг.)»; А. Ментешашвили «Грузино-абхазские отношения в первой четверти XX века»; Л. Тоидзе «К вопросу о политическом статусе Абхазии (1921–1931 гг.)»; Г. Жоржوليани «Исторические и политические корни конфликта в Абхазии/Грузии».

Мое внимание главным образом будет сосредоточено на работе А. Ментешашвили, а также на некоторых принципиально важных документах и положениях, затрагиваемых другими авторами. Так например, Г. Пайчадзе оперирует устаревшими воззрениями на процесс включения Абхазии в состав Российской империи, и многие ответы и разъяснения по этому поводу содержатся в моей работе «Асланбей»¹¹, в связи с чем не буду повторяться. Нельзя, однако, обойти молчанием ту часть публикации, в которой исследователь сообщает, что «историк А. Ментешашвили ввел в научный оборот весьма интересный архивный документ 1870 г.» – докладную записку депутатов абхазского и самурзаканского дворянства на имя председателя Тифлисского комитета по сословно-поземельным делам князя Святополк-Мирского. В этом документе, сообщает Пайчадзе, «четко говорится об Абхазии как составной части Грузии» (С. 233). Но Пайчадзе не оригинален. Еще накануне грузино-абхазской войны газета *Свободная Грузия* опубликовала эту же докладную записку, которая, по мнению редакции, «дает возможность любому читателю разобраться – является ли Абхазия неотъемлемой частью Грузии»¹².

Ментешашвили, видимо, действительно «открыл» для себя этот давно известный специалистам документ и, начиная с 1990 г., неустанно его публикует и комментирует, на этот раз – в своей книжке¹³. Восторгается этой запиской и Г. Жоржوليани (С. 420–421), так как в ней, как он полагает, говорится о «принадлежности Абхазии к Грузии». Сам Ментешашвили, пользуясь случаем, в который уже раз цитирует абхазских и самурзаканских депутатов Б. Эмухвари, М. Маршания, Т. Маргания и К. Инал-ипа: «Большая часть местностей носит грузинские названия; большая часть жителей признает свое мингрельское или грузинское происхождение и сохранила даже свои грузинские и мингрельские фамилии. Одно только может дать повод считать Абхазию отдельностью от Грузии – это язык; но и в нем мы находим наполовину слов мингрельских и грузинских, правда, часто сильно измененных, но не представляющих особого затруднения в отыскании первоначального корня мингрельского или грузинского».

В заключение, продолжает Ментешашвили, абхазская депутация выразила надежду, что в «применении к Абхазии и Самурзакани крестьянской реформы мы не будем исключены из общей семьи грузинских народов, к которой искони принадлежали. Мы позволяем себе думать, что к нам вполне могут быть применены те положения, которые государю императору благоугодно было установить для остальных частей бывшего Грузинского цар-

ства, и что для нас не будет сделано исключения». И, наконец, грузинский историк приходит к выводу: «Как видим, депутаты, избранные от всех сословий абхазского народа, считали Абхазию исторически неразрывной частью Грузинского государства» (С. 269–270).

Приведенный выше документ цитируется тбилисскими учеными и политиками на протяжении последних десяти лет. Между тем мне неоднократно приходилось предостерегать будущих публикаторов от не критического подхода к данному источнику, в связи с чем придется коснуться этой темы еще раз.

Докладная записка четырех депутатов абхазского и самурзаканского дворянства от 23 марта 1870 г. – давно известный документ. Будучи депутатами от князей и дворян Абхазии и Самурзакани, т.е. от высшего сословия, а не от всего населения Абхазии, как думает грузинский историк, Б. Эмухвари, М. Маршания, Т. Маргания и К. Инал-ипа *стремились в ходе готовившейся крестьянской реформы в Абхазии заполучить такие же финансовые и материальные выгоды, какие приобрело ранее высшее дворянство Грузии. Для достижения этой цели им необходимо было убедить царские власти в том, что Абхазия – это якобы такая же Грузия, а условия абхазской жизни ничем не отличаются от грузинских.*

Существует множество документальных свидетельств XIX в., которые опровергают это конъюнктурное мнение. Так, 10 сентября 1877 г. газета *Тифлисский вестник* посчитала необходимым отметить следующее: «Не подлежит сомнению, что этнографический, социальный, политико-экономический быт и мировоззрение абхазцев резко отличают их даже от соседних народов». В Абхазии, например, не существовало феодальной собственности на землю, не было крепостного права, а основное население составляли свободные общинники. Здесь все категории крестьянства являлись собственниками земли. В 1869 г. в «Очерке устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани» говорилось: «В поземельном отношении все сословия равны». Абхазская сельская община была пропитана «молочным» родством (аталычеством) и объединяла все слои абхазского общества – как высшие (князей и дворян), так и низшие (крестьян). Феодал не имел права отнять у крестьянина землю, оскорбить, а тем более поднять руку или продать его. Константин Мачавариани отмечал в 1913 г.: «Такое поземельное право ставило низшее сословие вне зависимости от привилегированных классов».

В 1866 г. из-за непонимания местных условий царскими чиновниками в селе Лыхны вспыхнуло восстание. Очевидец и активный участник тех событий, сын последнего владельца Абхазии Г.М. Шервашидзе позднее писал: «Объявление манифеста народу на почве крепостной зависимости, не существовавшей в этом народе, следовательно, не применимой к нему, являлось всецело непростительной ошибкой со стороны чинов администрации... Народ никак не мог понять, от кого и от чего его освобождают»

(Шервашидзе Г.М. Так пишется история // *Закавказье*. 1910. 6 июня. № 126). Совершенно иная ситуация была в России и в соседней Мегрелии, где крепостничество бытовало в крайних условиях, а во внутренних районах Грузии оформилось чуть ли не в XIV в.

8 ноября 1870 г. император Александр II, учитывая предыдущие ошибки администрации, повлекшие за собой возмущение абхазов, утвердил «Положение о прекращении личной зависимости и о поземельном устройстве населения в Сухумском отделе». В отличие от других крестьянских реформ, в которых прямо сказано о «крепостной зависимости», в абхазской говорится лишь о «прекращении личной зависимости», т.е. внеэкономической. *А так как все абхазские крестьяне являлись собственниками своей земли и не зависели от феодалов экономически, то они должны были заплатить выкуп только за личное освобождение. В то же время грузинские и мегрельские князья и дворяне получали выкупные деньги и за землю, что ставило их в гораздо более выгодные условия, чем абхазскую привилегированную верхушку.*

Царские власти в соответствии с реальным положением дел не признали за абхазскими помещиками прав на крестьянские наделы. Именно поэтому и исключительно из своекорыстных, меркантильных соображений несколько представителей абхазской знати с помощью грузинских дворян 23 марта 1870 г. составили эту докладную записку, в которой попытались «подогнать» историю под свои сиюминутные интересы. В 1975 г. известный кавказовед Г. Дзидзария подчеркивал: «Эта тенденция абхазского дворянства, т.е. стремление приписать себя к грузинскому, наиболее яркое и обобщенное отражение нашла в докладной записке депутатов князей и дворян Абхазии от 23 марта 1870 года...»¹⁴.

Уже в 1872 г., т.е. спустя два года после ее появления, по поводу упомянутой докладной записки говорилось следующее: «Сами тавады и амиста Абхазии и Самурзакани далеко не были такого высокого понятия о своем положении, какое им придавали писавшие об Абхазии. В основание доказательств того вывода, что права их ничем не отличались от прав тавадов и азнауров Грузии, приводится обыкновенно еще и поныне, что Абхазия входила в состав Грузинского царства. Но разве может гегемония одного государства над другим служить доказательством тождественности всех существовавших в них прав и отношений? Если доказывать неизбежность этого, то почему в таком случае права и отношения абхазцев и самурзаканцев не считать тождественными с правами и отношениями, существовавшими в Турции, так как последние три века они находились под владычеством этой державы. Вся прошедшая история Абхазии показывает, напротив, что она была именно в таком положении, при котором могла, и даже должна была сохранить отношения, выработанные собственной жизнью»¹⁵.

Критически к записке 1870 г. отнесся и известный историк А. Фадеев, который, в частности, отмечал: «Представители абхазских феодалов пода-

ли петицию, в которой они старались доказать, что они ни в чем не хуже русских и грузинских помещиков»¹⁶. Однако эти различия, как мы знаем, были весьма существенны. Обстоятельной критике записку 1870 г. подверг и крупный грузинский историк дореволюционной поры С. Авалиани – автор фундаментального пятитомного труда «Крестьянский вопрос в Закавказье». Анализу особых сословных и поземельных отношений в Абхазии этот ученый посвятил целый раздел: «Крестьянская реформа в Сухумском отделе»¹⁷. Исследователь пишет: «Крестьянская реформа в Сухумском отделе имела свои особенности и разрешалась сообразно с местными условиями, не так, как в других частях Закавказья... Общественное и политическое устройство Абхазии и Самурзакани ничем между собой не разнилось...».

С. Авалиани отмечает, что в 1870 г. в Тифлис на заседание комитета были приглашены абхазские депутаты. «Заявления депутатов от высшего сословия Абхазии и Самурзакани представляются чрезвычайно любопытными, – сообщает он далее, – из этих заявлений прежде всего бросается в глаза то обстоятельство, что депутаты тавады совершенно игнорируют создавшиеся в Сухумском отделе вековые отношения. Все усилия они прилагают для того, чтобы отношения зависимых сословий рассматривать, как типичные крепостные... Тавады Абхазии и Самурзакани думали убедить комитет в том, что в названных областях существовало типичное крепостное право: если бы в этом им удалось убедить членов комитета, то в таком случае тавады имели бы основание, во вторую очередь, добиваться утверждения за ними прав собственности на земли и вознаграждения за личную свободу отпускаемых на волю... В Абхазии и Самурзакани зависимые сословия существовали, но зависимость их отнюдь нельзя толковать как поземельную, это скорее зависимость личная».

В 1986 г. в Тбилиси вышел пятый том исследования С. Авалиани. Во вступительной статье к этому изданию профессор Г. Маргиани, говоря о проведении крестьянской реформы в Сухумском отделе, констатировал: «Абхазские крестьяне к рассматриваемому времени уже владели землей на правах собственности. В силу древних обычаев они платили дворянам определенные подати, но подати эти не относились к специфическим формам крепостной зависимости. Ввиду этого, по мнению С. Авалиани, абхазские крестьяне не являлись крепостным сословием».

Нельзя не коснуться и того факта, что упомянутая записка от 23 марта 1870 г. появилась во время пребывания абхазской делегации в Тифлисе. К ней приложили руку и представители грузинского дворянства – доказывает тот факт, что из четверых подписавшихся двое – князя Бата Эмухвари и Мсоуст Маршания – были неграмотны, и вместо них расписался некто Иван Зедгенидзе...

Остается только гадать, почему об этих фактах и сведениях, имеющих самое прямое отношение к «докладной записке» абхазского дворянства 1870 г., все эти годы (с 1990 г.) умалчивал такой авторитетный грузинский

историк, как А. Ментешашвили? Думается, что нынешняя кампания вокруг этого документа далека от научных целей.

В последние годы исследователи, ссылаясь на публикацию в грузинском журнале *Театри да цховреба* за 1916 (№ 23), довольно часто приводят сведения и о другой абхазской депутации, которая в апреле 1916 г. была принята в Тифлисе наместником на Кавказе¹⁸. Эта депутация в составе князей М. Шервашидзе, М. Эмухвари, А. Инал-ипа, П. Анчабадзе и представителей крестьянства Б. Эзухбая и А. Чукбар прибыла в Тифлис *с главной целью – поддержать готовящееся с начала 1914 г. решение царского правительства о преобразовании Сухумского округа в самостоятельную Сухумскую губернию*. Об этом факте сообщают и грузинские авторы в упомянутой коллективной монографии (Г. Пайчадзе. С. 233; А. Ментешашвили. С. 260–261). Однако они акцентируют внимание на том, что депутаты якобы требовали не отделять Сухумскую епархию от Грузинского экзархата, а в случае, если вопрос о Сухумской губернии не будет решен положительно, присоединить округ к Кутаисской губернии. Отвечая на утверждения последнего рода, по возвращении в Абхазию депутация выступила с опровержением, а Чукбар тогда же опубликовал в прессе свой ответ по этому поводу. (См.: *Чукбар А. Письмо в редакцию // Сухумский вестник*. 1916. 19 мая. № 108).

К какому же выводу приходят грузинские историки, столь настойчиво напоминая о депутациях 1870 и 1916 гг.? Откровеннее других по этому поводу высказался Г. Жоржوليани: «Здесь, согласившись с мнением обеих депутатий абхазского народа, заметим, что грузин и абхазов связывает не только изначальная историко-культурная общность, но и генетическое родство...», и – далее указывает на результаты антропологических исследований, данные археологии, фольклора и этнографии (С. 421). Этот автор то призывает абхазов к дружбе и братству с грузинами (С. 438–439), то говорит о принуждении к миру невоенным путем (С. 437), то вслед за Ингороква пишет о пришлости абхазов в позднесредневековый период (С. 414), то подчеркивает, что у абхазов «другой родины не было и нет» (С. 438), а важнейшим фактором в восстановлении доверия между двумя народами считает необходимость «повышения национального самосознания абхазского народа» (С. 439), что само по себе не может не выглядеть для абхазов оскорбительным.

Жоржوليани осуждает «коммунистический Союз ССР», и с ним здесь нельзя не согласиться, но эта тема уже давно набила оскомину и уводит в сторону от обсуждаемой проблемы. Кстати, чаще других на этот счет высказываются именно бывшие партийные функционеры вроде самого Г. Жоржوليани, который в советское время являлся первым секретарем Сухумского горкома партии. Этому автору не следует передергивать и этнодемографическую статистику XIX–XX вв., ссылаясь при этом на Г.П. Лежава, который «любезно предоставил» Жоржوليани «ксерокопии процитированных документов» (С. 443). Для этого достаточно заглянуть в работы самого Лежава,

где говорится о причинах, приведших к сокращению абхазского населения в этот период, и об изменении демографической ситуации¹⁹. Так, приводя по-семейную перепись 1886 г., Г. Жоржوليани, С. Лекишвили и многие другие авторы причисляют самурзаканцев к грузинам, в то время как в итоговом разделе переписи они даны в графе «абхазы» (85,7%). Что касается мегрелов, лазов, сванов, то все они приводятся самостоятельно, и их было всего 6%. Вот почему численность грузин решили увеличить за счет самурзаканцев, о которых в 70-х годах XIX в. известный грузинский публицист Якоб Гогешвили писал, что они – «ветвь абхазского племени»²⁰. Тогда же в авторитетном «Сборнике сведений о Кавказских горах» говорилось о том, что Самурзакань составляет «одно целое с Абхазией, родственной ей и по племенному происхождению, и по исторической судьбе своей, и по характеру внутренних отношений»²¹.

Почему некоторые историки пытаются навязать общественному мнению миф Ингороква о «пришлости» абхазов в XVII в.? Да потому, что существуют неопровержимые документальные свидетельства, в первую очередь грузинские, о точной дате массового переселения мегрельских крестьян из Западной Грузии в Абхазию. Это переселение произошло после окончания русско-кавказской войны, упразднения автономного Абхазского княжества (1810–1864 гг.) и насильственной депортации абхазов (махаджирство) в Турцию в результате восстаний 1866 и 1877 гг. Обо всем этом подробно пишет все тот же Я. Гогешвили в 1877 г. в газете *Тифлисский вестник* в пространной статье, известной под названием «Кем заселить Абхазию?» (№ 209, 210, 243–246, 248, 249). Жоржوليани и другие новейшие авторы делают вид, что этот материал им не известен, между тем в нем дается развернутый план картвельской колонизации Абхазии. Демографическое освоение Абхазии грузинами продолжалось и в советское время, особенно в 1930–1950-х гг. Достаточно ознакомиться с трудами абхазских ученых на этот счет²². Так что не следовало бы упрекать нас в том, будто мы не «утруждаем себя ссылками на документы, материалы и источники». Подобные упреки тем более бестактны, что в октябре 1992 г. грузинские оккупационные власти сожгли в Сухуме Центральный государственный архив Абхазии и Абхазский институт языка, литературы и истории.

III

Одна из основных болевых точек в истории грузино-абхазских отношений – это период 1917–1921 гг., которому посвящено немало исследований. Наиболее активно по этой по-прежнему острой политической проблеме выступает историк А. Ментешашвили. Немало работ, правда, разного научного уровня опубликовано по данной теме и другими грузинскими авторами, среди которых особо следует отметить У. Сидамонидзе и А. Сургуладзе, а также Л. Тоидзе, Д. Гамахария и др.

Так, например, в вышеупомянутой коллективной монографии А. Ментешашвили и Л. Тоидзе пишут, что Абхазия всегда была частью Грузии, и 9 февраля 1918 г. ей была дарована автономия в составе Грузинского государства. Позднее, по «договору» от 8 июня того же года, Абхазия будто бы окончательно стала автономной частью Грузии, и потому ввод грузинских войск в пределы Абхазии во второй половине июня 1918 г. не являлся актом оккупации и аннексии. Подобные действия они называют защитой территориальной целостности Грузии и объясняют борьбой с большевиками, протурецкими силами и деникинцами (Л. Тоидзе. С. 292–293; А. Ментешашвили. С. 266).

Здесь придется сделать небольшое отступление. Ментешашвили, например, абсолютно серьезно заявляет, что выделение в 1904 г. Гагринской климатической станции принца А.П. Ольденбургского из состава Сухумского округа и включение этой территории до правобережья р. Бзыбь в состав Сочинского округа Черноморской губернии «бесцеремонно нарушило территориальную целостность Грузии, в частности Абхазии» (С. 259). Это утверждение совершенно антиисторично, так как в 1904 г. на эту территорию распространялась юрисдикция только одного государства – Российской империи, в составе которой на правах губерний и округа находились и Грузия, утерявшая в 1801 г. не только независимую государственность, но и собственное название (и то и другое было восстановлено лишь 26 мая 1918 г.), и Абхазия, лишенная своей государственности с 1864 г. (восстановлена 11 мая 1918 г. в составе федерации – Горской республики). Таким образом, писать о нарушении территориальной целостности Грузии в 1904 г., когда она не была государством, просто абсурдно. Не говоря уже о том, что речь идет о Гагринском районе современной Абхазии, не имевшем к Грузии никакого отношения.

Что же происходило в Абхазии в 1917–1918 гг.? После событий февраля и октября 1917 г., потрясших и разваливших Россию как единое государство, Абхазия вошла в Союз объединенных горцев Кавказа (СОГК), в правительстве которого интересы Абхазии представлял министр С. Ашхацава²³. 8 ноября 1917 г. на съезде абхазского народа в Сухуме был избран парламент (созданный, кстати, раньше грузинского) – Абхазский народный совет (АНС) – и приняты важнейшие документы о самоопределении Абхазии: Декларация съезда абхазского народа и Конституция АНС²⁴. Огромную роль в принятии этих документов сыграли председатель съезда и первый председатель АНС С. Басария, основной докладчик А. Шерипов, князя А. Шервашидзе и Т. Маршания, видные деятели абхазской интеллигенции М. Цагурия, Д. Алания, Мих. Тарнава и др. В Декларации съезда подчеркивалось, что «каждый народ должен четко следить за тем, чтобы его права и интересы не пострадали от покушений» на его свободу, в связи с чем «абхазский народ уверен в том, что его братья – горцы Северного Кавказа и Дагестана – поддержат его в тех случаях, когда он будет защищать свои права».

Интересно, что представитель парламента Абхазии чеченец Асланбек Шерипов выступал на открытии первого грузинского парламента – Национального совета Грузии (НСГ), который открылся в Тифлисе 19 ноября 1917 г. «Я счастлив, – говорил он, – что на мою долю выпала высокая честь передать вам горячий привет от имени Абхазского народного совета. Абхазский народ, входящий в Союз объединенных горцев, поздравляет прекрасную Грузию с первыми шагами по пути к национальному самоопределению. Абхазцы, вошедшие в союз со своими северными братьями, уверены поэтому и в том, что в скором будущем они встретятся с благородным грузинским народом в общем союзе всех народов Кавказа. И в этом будущем союзе абхазский народ мыслит себя как равноправный член Союза объединенных горцев»²⁵.

Контакты между представителями абхазского и грузинского парламента продолжались и в дальнейшем, в очень сложной военно-политической обстановке на Кавказе в целом и в Абхазии в частности, над которой нависла угроза большевистского переворота. Однако, несмотря на всю сложность ситуации, представители АНС, прибывшие на встречу с депутатами Национального совета Грузии, заявили в Тифлисе 9 февраля 1918 г., что они стремятся к политической независимости Абхазии, «имея с Грузией лишь добрососедские взаимоотношения, как с равным соседом»²⁶. В связи с такой постановкой вопроса А. Ментешашвили вынужден признать, что делегация АНС во главе с А. Шервашидзе и в составе полковника Р. Чхотуа, Н. Маргания, Б. Цагурия, М. Эмухвари в основном придерживалась «правых националистических позиций» (С. 262). Со стороны НСГ в совещании приняли участие А. Чхенкели, К. Месхи, Г. Гвазава, П. Сакварелидзе, Н. Карцивадзе, которые категорически выступили против вхождения Абхазии в состав Союза горцев Кавказа.

Еще 8 ноября 1917 г., в день открытия съезда абхазского народа, в Сухум приехал бывший депутат IV Государственной думы России, социал-демократ Акакий Чхенкели и другие меньшевистские деятели. «Они, – писал участник тех событий Михаил Тарнава, – по-видимому, были информированы о подготавливаемом объединении Абхазии с Северо-Кавказским государством горцев и приехали специально, чтобы предотвратить это объединение. Чхенкели, по-видимому, особенно рассчитывал на успех потому, что в Абхазии он был популярным как ее депутат в Государственной думе. На этот съезд прибыли также и представители Горского правительства помимо Шерипова, который и так принимал активное участие. Прибыл оттуда также и Семен Михайлович Ашхацава. На съезде произносились горячие речи. Выступали два противоположных лагеря. Грузинские делегаты тянули Абхазию в сторону Грузии, а Северо-Кавказские – в состав Северного Кавказа. Как ни старался Чхенкели отвернуть абхазцев от такого решения, ему так и не удалось предотвратить решение съезда о присоединении Абхазии к Северо-Кавказскому Горскому государству. Это решение действительно было

принято большинством голосов, хотя и здесь, как и при обсуждении церковного вопроса, гальцы тянули в сторону Грузии и угрожали выходом из Абхазии в случае неприсоединения к Грузии»²⁷.

Ситуация с гальцами при откровенной поддержке А. Чхенкели, который был тесно связан с Самурзаканью, судя по словам А. Ментешашвили, почти в точности повторилась на совещании в Тифлисе 9 февраля 1918 г. По поводу Самурзакани того времени историк лукаво поясняет: «...ныне Гальский район Абхазии, населенный всецело грузинами» (С. 263). Сейчас да, но населен он не собственно грузинами, а мегрелами. Что же касается 1918 г., то тогда в этой части Абхазии проживало главным образом смешанное абхазо-мегрельское население, среди которого шел процесс деэтнизации абхазов «за счет грузинизации (мегрелизации)» ее жителей²⁸. Поэтому нет ничего удивительного в том, что А. Чхенкели, известный тогда политический деятель, при поддержке таких самурзаканцев, как социал-демократы князя Арзакан (Дмитрий) Эмухвари, Ладос (Владимир) Эмухвари, М. Эмухвари, которые являлись абхазами лишь по своему происхождению, пытался шантажировать абхазскую делегацию искусственно раздутой проблемой Самурзакани. Однако не в грузинских интересах было до крайности осложнять вопрос, так как в Самурзакани в этот период наибольшим влиянием пользовались не меньшевики, а большевики во главе с П. Дзигуа, что и подтверждали дальнейшие события.

Политический шантаж, предпринятый А. Чхенкели, не увенчался успехом. Для этого достаточно взглянуть на текст заключенного соглашения, который сам А. Ментешашвили неоднократно публиковал²⁹. Чтобы удостовериться, приведу этот документ еще раз целиком:

«1. Воссоздать единую нераздельную Абхазию в пределах от р. Ингур до р. Мзымта, в состав которой войдут собственно Абхазия и Самурзакань, или, что то же, – нынешний Сухумский округ.

2. Форма будущего политического устройства Абхазии должна быть выработана [в соответствии] с принципом национального самоопределения на Учредительном собрании Абхазии, созванном на демократических началах.

3. В случае если Абхазия и Грузия пожелают вступить с другими национальными государствами в политические договорные отношения, то взаимно обязываются иметь предварительные между собою по этому поводу переговоры»³⁰.

Таким образом, в этом документе лишь ставился вопрос о заключении равноправных взаимоотношений между Абхазией и Грузией, а во втором пункте вообще говорится о «национальном самоопределении», т.е. о праве абхазского народа на свою государственность в пределах Абхазии. Однако на основании этого документа грузинские историки А. Ментешашвили, Л. Тоидзе, Г. Жоржолиани, Д. Гамахария и др. приходят к выводу о том, будто именно с этого времени «Абхазии предоставлялась широкая автономия в

составе Грузии». Но, во-первых, в самом документе нет и намека на автономию. Во-вторых, 9 февраля 1918 г. Грузия еще не была провозглашена независимой республикой и вместе с Арменией и Азербайджаном все еще оставалась частью России. Как же могла Грузия предоставить автономию Абхазии, когда ее самой как государства в то время еще не существовало, а Абхазия продолжала оставаться в составе Союза горцев Кавказа? Наконец, в тексте соглашения прямо говорится, что «форма будущего политического устройства единой Абхазии» должна быть определена на Учредительном собрании Абхазии.

Соглашение 9 февраля носило равноправный характер, и потому непонятно замечание А. Ментешашвили в адрес абхазской делегации – «деваться им было некуда» (С. 263). Они никуда и не делись. Относительно же сложной обстановки на тот период в Абхазии и вокруг нее – можно с уверенностью сказать, что в Грузии в связи с угрозой турецкой оккупации она была не только не лучше, но прямо-таки катастрофической. Поэтому представители НСГ были счастливы подписать с АНС хоть какой-нибудь документ.

«Казалось бы, – возмущается далее А. Ментешашвили, – после соглашения от 9 февраля абхазские лидеры твердо стали придерживаться прогрузинской ориентации, однако... их действия на Батумской конференции в мае 1918 года свидетельствуют, что, опираясь на правящие круги султанской Турции, А. Шервашидзе совместно с горцами Северного Кавказа стремился реализовать проект создания Кавказской конфедерации, в которую абхазы должны были войти самостоятельно». Более того, им удалось этого добиться, о чем свидетельствует секретное письмо от 28 мая 1918 г. немецкого генерала фон Лоссова грузинскому правительству (С. 264).

Все верно, только непонятно, чем недоволен грузинский историк и почему он решил, что после соглашения 9 февраля абхазские лидеры должны были «придерживаться прогрузинской ориентации»? Они действовали в точном соответствии с решением I Горского съезда, еще в мае 1917 г. наметившего «контуры национальной идеологии», которая спустя год привела к провозглашению независимой республики горцев Кавказа (Горской республики). Из протокола первого заседания Батумской международной мирной конференции (Батум тогда входил в состав Турции) от 11 мая 1918 г. известно, что в ней принимали участие делегации Германии, Турции, Закавказской республики, горцев Северного Кавказа и Дагестана³¹. Тогда же депутаты АНС А. Шервашидзе, Т. Маршания, С. Басария и другие обратились к турецкому правительству и заявили на Батумской конференции, что «Абхазия не желает входить в группу закавказских народов, а относит себя к Северокавказскому объединению горцев»³².

11 мая 1918 г. было объявлено о независимости Горской республики, в которую наряду с Дагестаном, Чечней, Кабардой, Адыгеей и другими странами вошла Абхазия³³. При поддержке Турции и участии Германии и Австро-

Венгрии республика горцев получила тогда международное признание. После образования Горской республики Закавказская федерация (ЗДФР) распалась и в тот же день, 26 мая 1918 г., по ультимативному требованию Турции, была провозглашена Демократическая республика Грузия, а затем Азербайджанская (27 мая) и Армянская (28 мая) республики. В истории народов Кавказа этот период получил название «кавказского мая», а в одном из воззваний по этому поводу говорилось: «В момент когда в России бушевала антинациональная стихия большевизма, на Кавказе восторжествовала идея здоровой национальной государственности»³⁴.

В Акте о независимости Грузии говорится, что она была провозглашена 26 мая 1918 г. Между тем в самом Акте не были определены границы Грузии. Их предварительные наброски впервые были сделаны весьма заинтересованным лицом – немецким генералом фон Лоссовым в упомянутом письме от 28 мая 1918 г. Генерал обязывался приложить все усилия к тому, чтобы «Германия оказала Грузии помощь в деле обеспечения ее границ»³⁵. Грузинские историки Л. Тоидзе (С. 291–292), Д. Гамахария³⁶ и другие особо отмечают, что Акт о независимости Грузии подписали тогда В. Шервашидзе, А. Эмухвари, В. Гурджуа, И. Пашалиди, Д. Захаров. Каким образом это происходило?

Как известно, весной 1919 г. все названные деятели стали депутатами Учредительного собрания Грузии по партийному списку социал-демократов. Новый парламент Грузии, собравшийся в Тифлисе 12 марта 1919 г., подтвердил Акт о независимости от 26 мая 1918 г., под которым подписались и упомянутые «посланцы от Абхазии». Но, *во-первых*, они поставили свои подписи не 26 мая 1918 г., о чем многие авторы «скромно» умалчивают, а лишь 12 марта 1919 г., когда Абхазия была уже оккупирована грузинскими войсками, а парламент Абхазии дважды разгонялся (в августе и октябре 1918 г.). *Во-вторых*, они подписались не как представители Абхазии и абхазского народа, который бойкотировал выборы в Учредительное собрание Грузии, а как члены регионального отделения правящей грузинской меньшевистской партии. *В-третьих*, налицо была попытка подтасовать исторические факты и стремление Тифлиса с помощью своих марионеток хотя бы задним числом, 12 марта 1919 г., привязать Абхазию к Грузии. *В-четвертых*, на 26 мая 1918 г. Абхазия находилась вне пределов территории Грузинской республики, так как с 11 мая 1918 г. являлась частью другого государства – Горской республики, которая, к сожалению, просуществовала всего один год.

На то что Абхазия находилась вне юрисдикции Грузии, указывает и сам характер документов, подписанных представителями этих стран. Совершенно очевидна и следующая весьма существенная деталь: если бы Абхазия была Грузией, то последняя никогда не стремилась бы заключать с ней «соглашения» и «договоры» и вести переговоры, как с самостоятельным государством. Однако все перечисленное имело место.

IV

Поистине драматические события разыгрались в отношениях между Грузией и Абхазией в период с 26 мая по 8 июня 1918 г. В это время в Абхазии уже действовал второй АНС, который раздирали серьезные противоречия, возникшие между старым составом «горской ориентации» (С. Басария, А. Шервашидзе и др.) и новым во главе с меньшевиком Варламом Шервашидзе. Сложившаяся ситуация нашла свое отражение и в двойственном характере некоторых документов АНС, с которыми абхазская делегация в составе: Р. Какуба (глава), Г. Туманов, В. Гурджуа и Г. Аджамов – прибыла в Тифлис в начале июня 1918 г.

Какая же геополитическая обстановка складывалась к этому времени в Закавказье вообще и вокруг Абхазии в частности? Какие цели преследовали здесь Турция и Германия? Совершенно очевидно, что они стремились получить доступ к кавказскому сырью, и прежде всего к бакинской нефти, причем сначала их интересы совпали. Но Турция в ущерб военным действиям против Англии увлеклась панисламизмом. Между «союзниками» обострились противоречия, и Германия стала «противодействовать быстрому распространению турок в Закавказье», понимая, что «старые хитрые дипломаты оттоманской школы» начисто переиграли неискусных игроков Закавказской республики. По словам А.И. Деникина, решающую роль в образовании ЗДФР и Грузинской республики (26 мая 1918 г.) сыграл «смертельный страх перед турецким нашествием». К этому времени и у Германии оформился стратегический взгляд на Грузию. Так, немецкий генерал и политик Людендорф отмечал: «Для нас (протекторат над Грузией) был средством независимо от Турции получить доступ к кавказскому сырью и эксплуатации железных дорог, проходящих через Тифлис. Мы не могли довериться в этом отношении Турции. Мы не могли рассчитывать на бакинскую нефть, если не получим ее сами»³⁷.

Нефтепробитие Баку – Батум, железная дорога через Тифлис, богатейшие марганцевые рудники, черноморский порт Потти – все это имело огромное значение для германских интересов. Вот почему Германия остановила дальнейшее продвижение турок в пределы Грузии недалеко от Тифлиса. Более того, Германия стала ублажать Грузию по вопросу об Абхазии и прилегающих черноморских территориях. В свое время Л. Троцкий абсолютно верно заметил: «Вассальный союз с Германией давал Грузии до поры до времени серьезные гарантии неприкосновенности, так как Германия связывала брест-литовской петлей Советскую Россию, крушение которой к тому же казалось неизбежным...»³⁸.

О провозглашении грузинской независимости в Сухуме стало известно лишь 2 июня. В тот же день АНС принял заявление, в котором об Абхазии и Грузии говорилось, как о соседних *странах*, и делался акцент на недопустимости «посягательств на суверенные права народа со стороны соседей»³⁹.

С этим документом делегация была направлена в Тифлис. В нем также объявлялось, что парламент Абхазии принимает на себя всю полноту власти, считая Абхазию и ее народ «совершенно самостоятельными». Однако на делегацию обрушился шквал дезинформации о якобы готовящемся турецком вторжении в Абхазию. Но открытого турецкого вмешательства не могло быть, так как Абхазия к тому времени была включена в сферу военно-политического влияния Германии, и в начале июня в Очамчире и Сухуме уже стояли небольшие немецкие отряды. Правительство Грузии, видимо, не без закулисного участия А. Чхенкели оказывало беспрецедентное давление на главу делегации Р. Какуба, депутата АНС от Самурзакани, с тем чтобы АНС дал хотя бы устное согласие на заключение договора в «развитие и дополнение соглашения от 9 февраля 1918 года».

Здесь стоит привести замечание Деникина относительно деятельности А. Чхенкели на высоком посту в Закавказской республике: «Грузин Чхенкели, – писал он, – вообще проявлявший чрезвычайную уступчивость туркам в части, касавшейся не-грузинской территории, приказал сдать Карс без боя»⁴⁰. Относительно же Абхазии и ее вхождения в Грузию этот деятель занимал непримиримую «патриотическую» позицию...

Правительственные круги Грузии не могло не встревожить положение из доклада Р. Какуба, в котором он объявил, что АНС в «скором времени созывает Народный съезд представителей всех народов, населяющих Абхазию» (Ментешашвили А. С. 265), который в соответствии с пунктом 2 соглашения от 9 февраля 1918 г. имел полное право окончательно решить вопрос о государственном устройстве Абхазии. Все это ускорило развязку событий. В создавшейся ситуации Грузия потребовала отложить мандат делегации в сторону и заключить новый договор. Совершенно запутавшийся и сбитый с толку тифлисскими политиками, за спинами которых стояли немецкие дипломаты и военные, Р. Какуба стал по прямому проводу передавать в Сухум панические известия и даже заявил о готовности делегации без решения парламента Абхазии подписать предлагаемый «договор». АНС категорически возражал против таких намерений. Однако Какуба как глава делегации продолжал настаивать на своем. В сообщении в Сухум от 8 июня 1918 г. он предложил следующее:

«Из Тифлиса: – Обрати внимание Совета на то, что договор имеет силу до созыва Национального Собрания Абхазии... Если бы мы не подняли вопроса о наших взаимоотношениях теперь, то Груз. Правительство довольствовалось бы соглашением от 9 февр. 18 г. впредь до окончательного решения вопроса о наших взаимоотношениях с национальным съездом Абхазии, но когда мы сами этот вопрос подняли теперь, и при том в таком смысле, как будто хотим прервать с Грузией всякую связь, как это, повторяю, поняло Груз. Правит-во наш мандат, то теперь оно боится ограничиться соглашением от февраля и во избежание всяких недоразумений находит необходимым несколько развить его, отнюдь не выходя из рамок февральс-

кого соглашения. Что касается общности интересов, об этом достаточно сказано Груз. Прав., и оно согласно с нами, но оно убеждено, что нельзя ждать с вопросом о внешней охране территории Абхазии до созыва Нац. съезда Абхазии. Только это обстоятельство вынуждает Груз. Прав. войти с нами в предлагаемое соглашение, которое, как я уже сказал выше, имеет силу только лишь до созыва Нац. собрания. Для заключения подобного соглашения, по мнению Гр. Прав., а также делегации, вовсе не требуется созыв каких-либо представителей Абхазии, а это соглашение вполне в компетенции Правит-ва Народного Сов., ныне функционирующего... Делегация полагает, что в договоре ничего неприемлемого нет, почему Нар. Совет не может высказаться по существу его, для делегации непонятно. Сообщите, как быть делегации. Остаться здесь дальше или уезжать в Сухум... Что я еще должен добавить, что Груз. Прав. согласно заключить с нами предлагаемое соглашение словесно, т. е. удовлетворится оно словесным заверением делегации и не настаивает на подписании договора. Добавлю еще, если Народный Совет боится взять на себя какую-нибудь ответственность за заключение предлагаемого соглашения, то делегация на себя принимает эту ответственность...

Из Сухума: – Завтра вопрос будет снова поставлен на обсуждение, и 10-го в 6 часов вечера Вы получите ясный и определенный ответ.

Из Тифлиса: – Не представляется возможным до 10. Необходимо получить Ваш ответ завтра. Час назначьте сами.

Из Сухума: – По возможности сообщим завтра. В крайнем случае 10-го в 6 часов.

Из Тифлиса: – Вы лишаете права говорить с Груз. Прав.»⁴¹.

На следующий день, 9 июня 1918 г., из Сухума в Тифлис сообщалось:

«Положение вещей в Абхазии является в настоящее время настолько запутанным, что Абх. Нар. Совет лишен возможности дать по существу вашего запроса официально определенный ответ. Каков [бы] ни был наш ответ, но сам факт заключения договора будет истолкован в самом нежелательном смысле и может повлечь за собой последствия, губительные прежде всего для Абхазии и опасные также для Грузии... До того момента, пока в Округе не будет водворен порядок, пока население не вернется к нормальным обстоятельствам жизни, всякое соглашение, заключенное Абх. Нар. Сов. с Грузией, и оформление договора будет незамедлительно использовано в ущерб интересам государственности, и тогда угроза внешнего вмешательства, висящая над нами, может превратиться в факт. Абх. Нар. Сов. просит Прав. Груз. респ. не настаивать на немедленном ответе и тем дать возможность Абхазии в более подходящей обстановке определить свою судьбу»⁴².

Как видно из этих очень красноречивых документов, Р. Какуба сам наделил себя чрезвычайными полномочиями и 8 июня 1918 г. без ведома АНС одобрил (возможно, и на словах, так как подлинник заключенного «договора» неизвестен) предлагаемый Грузией «договор», в то время как АНС после

долгого и упорного сопротивления принял решение о заключении договора (но в другой редакции!) только 10 июня 1918 г. Именно этот текст документа за подписью председателя АНС В. Шервашидзе и должны были принять в Тифлисе 11 июня обе стороны. Но, повторяю, абхазская делегация во главе с Р. Какуба, вопреки требованию парламента Абхазии, пошла на сделку с грузинским правительством, подписав с ним «договор» уже 8 числа. Позиция самого Какуба была далеко не бескорыстной, так как в Тифлисе ему был обещан пост министра по делам Абхазии. Ситуация оказалась настолько запутанной и трагикомичной, что даже сегодня часть грузинских историков ссылается на текст «договора» от 8 июня 1918 г., а другая – на «договор» от 11 июня того же года. Между прочим, весь механизм этой политической махинации освещался мною неоднократно, в том числе и в «Истории Абхазии».

Даже ставленник Тифлиса председатель АНС В. Шервашидзе понятия не имел об этой подмене документа и в своей переписке с грузинским правительством ссылался на пункты несуществующего «договора» от 11 июня⁴³. В принципе, это был грубый политический подлог, и с правовой точки зрения никакого договора в действительности не существовало. Вместе с тем нельзя забывать, что именно эта политическая фальшивка привела Абхазию к трагическим последствиям и появилась на свет в следующей редакции:

«1. При правительстве Демократической республики Грузии создается по представлению Абхазского Народного Совета пост министра по делам Абхазии.

2. Внутреннее управление и самоуправление в Абхазии принадлежит Абхазскому Народному Совету.

3. Кредиты и деньги, необходимые на управление Абхазией, отпускаются из средств Демократической республики Грузии и расходуются на нужды Абхазии Абхазским Народным Советом.

4. Для скорейшего установления революционного порядка и организации твердой власти в помощь Абхазскому Народному Совету и в его распоряжение правительство посылает отряд Красной гвардии.

5. В Абхазии организуется интернациональный отряд, который находится в распоряжении Абхазского Народного Совета.

6. Социальные реформы в Абхазии проводит Абхазский Народный Совет на основе общих законов Грузии с учетом местных особенностей.

7. Съезд населения Абхазии на демократических началах созывается по возможности в скором будущем для окончательного решения вопросов, связанных с устройством Абхазии»⁴⁴.

Данный текст существенно отличается от варианта договора, подписанного 10 июня В. Шервашидзе, и, как видим, состоит не из 8, а из 7 пунктов⁴⁵. Так, в 1-й статье документа АНС сказано: «Заключаемый договор пересматривается Национальным Собранием Абхазии, которое окончательно

определяет политическое устройство Абхазии, а также взаимоотношения между Грузией и Абхазией». Иными словами, заключаемый договор носил временный характер и подлежал пересмотру Национальным Собранием Абхазии не только для окончательного определения политического устройства Абхазии, но и для окончательного решения вопроса о взаимоотношениях между Грузией и Абхазией. В аналогичной же, казалось бы, 7-й статье «договора» от 8 июня представлена расплывчатая формулировка и опущен ряд принципиально важных моментов.

Можно ли вообще всерьез говорить о том, что уже тогда Абхазия получила в составе Грузии самую широкую автономию? Ведь совершенно очевидно, что п. 2 о внутреннем управлении и самоуправлении еще не означал предоставления автономии, тем более если в п. 7 сказано об окончательном устройстве Абхазии в скором будущем. Так, например, А. Ментешашвили и А. Сургуладзе в 1989 г. признавали формальный характер этого документа, отмечая, что «договором» правительство Грузии только обещало «дать автономию Абхазии, однако практическое осуществление его задержалось»⁴⁶. Но прошли годы, и в 1999 г. Ментешашвили подправил свою позицию: «По договору от 8 июня Абхазии была предоставлена широкая автономия» (С. 266). Спрашивается, для чего же в таком случае Грузии понадобилось возвращаться к этому вопросу и 20 марта 1919 г. вновь принимать «Акт об автономии Абхазии»?

По сути дела, правительство Грузии интересовал в «договоре» 8 июня лишь один пункт – 4-й, двусмысленным содержанием которого оно не преминуло воспользоваться и ввело на территорию Абхазии не обещанный «отряд Красной гвардии», а оккупационные меньшевистские войска. В «широкую автономию» не верил даже политический представитель Грузинской республики в Абхазии, старейший грузинский социал-демократ Исидор Рамишвили. 19 июля, спустя месяц после т.н. договоров, он выступил в Сухуме на заседании АНС и заявил о правомочном съезде народа, который должен решить дальнейшую судьбу Абхазии – примкнет ли она «к Грузии, России или Турции или объявит самостоятельность»⁴⁷.

После возвращения домой абхазской делегации, одоблившей «договор» от 8 июня, отношения между ее членами резко осложнились, так как их стали обвинять в предательстве интересов Абхазии. Особенно обострилось противостояние между Р. Какуба, с одной стороны, и Г. Тумановым и В. Гурджуа – с другой. Вольно или невольно, но Какуба с подачи грузинского правительства постоянно дезинформировал АНС и в тайне от абхазского парламента 8 июня пошел на откровенный политический подлог. Поэтому неудивительно, что на основании статьи 1 и в благодарность за оказанную «услугу» именно его кандидатура была выдвинута на должность министра по делам Абхазии, и 11 июля он был наделен соответствующими полномочиями. Однако на следующий день, 12 июля, огромный сход населения на Черной речке близ Гудаут при

активном участии В. Гурджуа и Г. Туманова потребовал отставки Р. Какуба и выразил ему недоверие.

17 июля Какуба заявил АНС о сложении с себя полномочий министра. На следующий день на заседании АНС во взвинченном состоянии в присутствии И. Рамишвили он протестовал против вывода грузинских войск из Абхазии, которые были введены как раз по его вине. С резкой речью в парламенте тогда же выступил православный абхазский священник Г. Туманов, член делегации, направленной в июне в Тифлис, который по поручению схода гудаутских и гагрских абхазов потребовал, чтобы «Абхазия была самостоятельна, а не была бы провинцией», – в противном случае они готовы «умереть свободными на своей земле»⁴⁸. С обстоятельной критикой деятельности АНС выступил и депутат от Кодорской Абхазии народный учитель А. Чочуа⁴⁹.

19 июля АНС принял отставку Р. Какуба⁵⁰. Буквально через неделю, 25 июля, парламент избрал министром по делам Абхазии полковника Р. Чхотуа, заверившего АНС, что главная его цель – «защита интересов Абхазии»⁵¹. Полковник остался верен этому обещанию, но в октябре 1918 г. был обвинен в попытке государственного переворота и отстранен от занимаемой должности. Тогда же Тифлис упразднил сам этот пост и тем самым – статью 1 «договора» от 8 июня, а функции министра по делам Абхазии возложил на министра внутренних дел Грузии.

Наиболее дальновидные абхазские политики предвидели, что под предлогом борьбы с большевиками и защиты Абхазии от Турции Грузия попытается воспользоваться заключенным «договором» и прибрать страну к рукам. Одним из тех, кто с крайним недоверием отнесся к деятельности Р. Какуба, стал бывший председатель первого АНС С.П. Басария, который на заседании парламента 10 июня 1918 г. отказался подписать поручение делегации о заключении договора с Грузией и письменно изложил тогда же свое особое мнение по этому вопросу. *«Ввиду того что, – говорилось в нем, – проект договора, предлагаемый Грузинской Республикой, носит характер ультимативный, лишающий возможности обдуманного, свободного обсуждения; ввиду того что важный акт, как предлагаемый договор Абхазии с Грузией, делается наспех при ограниченном количестве членов Абхазского Народного Совета и без ведома населения Абхазии, которое мыслит свою политическую свободу без всякой опеки, с чьей бы стороны ни было, – я предлагаю Абхазскому Народному Совету на ультиматум Грузии ответить просьбой дать возможность населению устроить Абхазский Национальный съезд, правомочный окончательно определить политическое устройство Абхазии, заверив Грузинскую Республику, что Абхазия как самостоятельный национальный организм обязательно вступит в добрососедские договорные союзы и соглашения с Грузией. Прошу настоящее особое мнение передать по прямому проводу абхазской делегации»*⁵².

Особое мнение такого авторитетного в народе человека и влиятельного депутата, изложенное 10 июня, т.е. когда «договор» уже был одобрен в Тифлисе, интересно по нескольким принципиальным позициям. Во-первых, предлагаемый «договор» – это ультиматум правительства Грузии. Во-вторых, Басария не согласен, чтобы такой «важный акт» готовился втайне от народа Абхазии, при «ограниченном количестве» депутатов АНС. В-третьих, он особо подчеркивает, что «окончательно определить политическое устройство Абхазии» полномочен только «Абхазский Национальный съезд». В-четвертых, он предупреждает делегацию во главе с Какуба об ответственности.

Между прочим, давая краткую характеристику оккупации Абхазии Грузией, генерал А.И. Деникин ссылается на «договор» от... 11 июня 1918 года (!), т.е. в абхазской редакции, а не в той, что была принята в Тифлисе 8 июня⁵³. Значит, о произведенной подмене не знал и верховный главнокомандующий Добровольческой армии.

В продолжение темы о так называемой автономии коснусь упрека, который бросил мне уважаемый А. Ментешашвили (С. 267) по поводу того, что я в своих работах часто цитирую очерк С. Данилова «Трагедия абхазского народа» (Мюнхен, 1951), но якобы «забываю», что пишет о 1918 г. этот любимый мною автор, а именно: «Абхазия получила автономию» (С. 8). Правда, дальше ученый не осмелился продолжить цитирование С. Данилова, который, кстати, и был мною впервые переиздан⁵⁴. Грузинский историк лишь выхватил так необходимое ему слово «автономия». Но ведь Данилов пишет об этой «автономии» с нескрываемым сарказмом, и в этом нетрудно убедиться. Так, он сообщает далее, что с первых же дней АНС, «пожелавший взять управление страной в свои руки», натолкнулся на «серьезные препятствия в своих начинаниях со стороны грузинских властей». Представители меньшевистской Грузии, продолжает Данилов, «мало считались с настроениями и обычаями иных народов», а в Абхазии «проводили политику, не отвечающую интересам абхазского народа». Полным ходом шла грузинизация, были глубокие разногласия в земельном вопросе. Антагонизм между ними «обещал перейти в открытое выступление против власти», и тогда абхазы послали своих представителей к командованию Добровольческой армии, чтобы с их помощью «освободиться от новых завоевателей»⁵⁵. Так что А. Ментешашвили зря наводит тень на плетень. Все, что приведено мною, дано строго по тексту вслед за упоминанием «автономии» на той же странице.

V

Воспользовавшись так называемой договоренностью от 8 июня 1918 г., войска Грузинской республики при военной поддержке Германии уже 17–19 июня высадились в Сухуме и оккупировали страну. Генерал А.С. Лукомский писал по этому поводу: «Пользуясь поддержкою Германии, Грузия

заняла против воли населения Абхазию и Сочинский округ...»⁵⁶. К тому времени Абхазия оказалась в тяжелом положении, так как лишилась реальной поддержки со стороны Горской республики в связи с бурными военными событиями на Северном Кавказе. В этот смутный период каждодневно менялись приоритеты, сталкивались интересы разных государств, закручивались все новые водовороты политической жизни, царили анархия и хаос. Абхазия оказалась отрезанной от своих естественных союзников и, оставшись один на один с Грузией и Германией, несмотря на попытку дипломатическим путем разрядить обстановку, подверглась военной интервенции. Однако правительство Горской республики не осталось безучастным к судьбе Абхазии и осудило вторжение грузинских войск. Так, в июне 1918 г. МИД Горской республики устами министра Гайдара Баммата заявил протест правительству Грузии и главе дипломатической миссии правительства Германии на Кавказе Шуленбургу по поводу вступления немецких войск в Сухум и «нахождения грузинских банд в Абхазии»⁵⁷.

Документы Горской республики убедительно свидетельствуют, что Абхазия продолжала оставаться частью Северокавказского государства, которое не признавало притязаний Грузии на Абхазию. Вот почему слишком поверхностными представляются рассуждения грузинского историка о том, что «Кавказская конфедерация не состоялась, и поэтому вступление Абхазии в состав Грузии в июне 1918 г. имело международно-правовую основу» (С. 264 упомянутой коллективной монографии). Но разве в июне 1918 г. кто-нибудь мог с уверенностью сказать, что Конфедерация не состоится? Даже генерал фон Лоссов не знал об этом. Совершенно очевидно, что А. Ментешашвили абсолютно не знаком с документами, свидетельства которых лишают эти его умозаключения всякого смысла.

Даже спустя несколько месяцев после оккупации Абхазии, в августе 1918 г., председатель горского правительства Т. Чермоев вновь заявил протест Германии в связи с вторжением грузинских войск в Абхазию при поддержке регулярных частей немецкой армии. В то же время он предостерегал, что народы Северного Кавказа, связанные с Грузией «единством расы и давнишними симпатиями», не должны допускать каких-либо политических осложнений в своем стремлении к «наиболее тесным связям *до Конфедерации* (выделено мною. – С.Л.) включительно». Далее в документе подчеркивалось: «Я от имени моего правительства самым категоричным образом *протестую против образа действий Грузии в Абхазии, составной части федеративной Республики Союза горцев Кавказа* (выделено мною. – С.Л.), и во избежание тяжелых осложнений, могущих проистечь от указанной политики грузинского правительства, мое правительство полагает необходимым немедленно вывести из Абхазии грузинские войска, чиновников и эмиссаров»⁵⁸.

Именно в этот период, в июне – августе 1918 г., Александр Шервашидзе, Таташ Маршания, Симон Басария и другие влиятельные абхазы обраца-

лись за помощью к абхазам-махаджирам, проживавшим в Турции, предки которых были вынуждены покинуть родину в XIX столетии в результате кавказской войны.

Народ и многие депутаты парламента Абхазии расценили силовые действия Грузии как вооруженное вторжение в пределы Горского государства. Председатель правительства Грузинской республики Ной Жордания вспоминал, как представители Северного Кавказа предъявили тогда ультиматум: «Абхазия наша, уходите оттуда!»⁵⁹. Турки, в свою очередь, тоже мечтали о Сухуми и планировали с помощью чеченцев «защитить Абхазию от грузин»⁶⁰.

В ночь на 27 июня 1918 г. абхазский (а не «турецкий», как пишет А. Ментешашвили на с. 267–268) вооруженный десант из Турции высадился у р. Кодор. Это была ответная акция, направленная против оккупации Абхазии Грузией и объявления 23 июня Г. Мазниева (Мазниашвили) генерал-губернатором Абхазии. Официально Турция в этот конфликт не вмешивалась. Десант же, по сути, был вооруженной силой Горского государства. Кроме того, из германских источников известно, что горское правительство в июне – августе 1918 г. по-прежнему претендовало на Абхазию и Сухумский порт. Поэтому не случайно, что в эти же месяцы в Абхазии происходили неоднократные высадки морских десантов абхазских махаджиров. Однако такие устремления горского правительства противоречили интересам германской политики в регионе⁶¹.

Правительство Горской республики продолжало считать Абхазию частью своего государства, несмотря на то что она была оккупирована Грузией. Так, в 1919 г. по заказу Горской делегации в Лозанне по-французски была отпечатана цветная этнографическая и политическая карта республики горцев Кавказа⁶², предназначенная для Парижской мирной конференции (в состав Горской делегации был включен и представитель Абхазии⁶³). На этой красочной карте не только Абхазия, но и Южная Осетия указаны находящимися в пределах Горской республики.

Раздражаясь по поводу этих и других очевидных фактов, некоторые грузинские ученые негодуют по поводу публикаций абхазских историков. Им вообще кажется странным, что им отвечают. И тогда они начинают прибегать вот к таким приемам: «Абхазские историки считают, – пишет А. Ментешашвили, – что договор от 8 июня не предоставлял Абхазии автономии в составе Грузии. Это утверждение им нужно для поддержки известного тезиса идеолога абхазских сепаратистов С. Лакобы о том, что Грузия, оказав помощь Абхазии в борьбе против большевистских отрядов и турецких банд, пытавшихся захватить Сухуми и территорию Абхазии, сама установила на ее территории “оккупационный режим”... Такая позиция не случайна, ибо упоминание об автономии Абхазии в составе Грузии делает абсурдным утверждение идеологов сепаратистов, что грузинские войска установили оккупационный режим на своей же территории» (С. 266).

Что касается термина «оккупация» применительно к Абхазии, то он впервые прозвучал в том же 1918 г., когда грузинские войска вторглись в Абхазию, т.е. задолго до моего рождения. К этому вопросу мы еще вернемся, хотя материалов на эту тему опубликовано уже достаточно.

Грузинский историк называет меня даже защитником «советской империи» (С. 267). Но ведь именно во времена «советской империи» А. Ментешавили изучал быт курдов, писал об Октябрьской революции и национальном движении, а затем под влиянием З. Гамсахурдиа принялся за абхазов и осетин.

В связи с некоторыми высказываниями этого ученого приведу мнение Карла Эрика Бехоффера, который побывал на Кавказе в 1919–1920 гг. «Свободное и независимое социал-демократическое правительство государства Грузия, – отмечал он, – навсегда останется в моей памяти как классический пример империалистической “малой нации”. Как в вопросе о внешних территориальных захватах, так и в бюрократической тирании внутри страны. Шовинизм ее вне всяких границ»⁶⁴.

Грузинские войска под командованием генерала Г. Мазниева оккупировали не только Абхазию, но к 26 июля 1918 г. захватили и территорию Черноморского побережья вплоть до Туапсе. Правда, очень скоро грузины были выбиты оттуда Добровольческой армией и отошли к р. Бзыбь. Однако они поспешили включить в карту «Великой Грузии» все захваченные страны и области и собирались представить ее на Парижской мирной конференции. Свои действия в Черноморье они объясняли борьбой с большевиками, которая, по словам Гегечкори, была вопросом «нашей жизни и смерти». Но, замечает Деникин, «категоричность этого заявления была, впрочем, тотчас же ослаблена пояснением», что задача эта ставится лишь на «Черноморском побережье»⁶⁵.

На эту тему очень многое было сказано генералами М. Алексеевым, А. Деникиным, А. Лукомским, представителем кубанского правительства Н. Воробьевым и другими, которые в течение 1918–1919 гг., а затем в эмигрантских изданиях неоднократно освещали события в Абхазии и не признавали ее в составе Грузии. Не буду здесь цитировать их свидетельства, так как многие из них опубликованы, в том числе Н. Воробьева⁶⁶, и сильно раздражают некоторых грузинских историков. Военные и политики требовали тогда очистить Абхазию от грузинских войск и администрации и предлагали англичанам объявить территорию Абхазии нейтральной⁶⁷.

О внешних захватах Грузии писал в своих воспоминаниях и такой объективный свидетель, как Б. Байков. Он отмечал, что империализм «является отличительной чертой внешней политики всех государственных новообразований» Закавказья, которые стали предъявлять друг другу территориальные претензии. Именно империализм, по его словам, толкнул «Грузию на овладение Самурзаканью и Абхазией»⁶⁸.

Вот типичный пример, связанный с Самурзаканью. 18 июня 1918 г. одновременно с высадкой грузинских войск в Сухуме в АНС пришла телеграмма из Тифлиса. В ней МВД Грузии сообщало о временном подчинении Самурзаканского участка Кутаисскому губернскому комиссару «по вопросам, относящимся к охранению в нем государственного порядка и общественной безопасности». Таким образом, Самурзакань напрямую включалась в состав Грузии. Тем самым грубо нарушался пункт 1 соглашения от 9 февраля 1918 г. о «единой нераздельной Абхазии в пределах от р. Ингур до р. Мзымта». И.о. Сухумского окружного комиссара С. Басария, обеспокоенный данной телеграммой, направил ее, «ввиду важности изложенного», на рассмотрение АНС⁶⁹. Однако, как выяснилось, депутаты АНС были вообще не в курсе происходившего, а грузинское правительство действовало через своего ставленника В. Шервашидзе, который еще 12 июня 1918 г. тайно обратился в Тифлис к военному министру по поводу «водворения порядка» в Самурзакане⁷⁰. Делать политику чужими руками – это старый, испытанный прием...

Прошло еще немного времени, и 23 июня 1918 г. генерал Мазниев своим приказом объявил Абхазию генерал-губернаторством, а себя губернатором. Такие откровенные и бесцеремонные действия правительства Грузии вызвали взрыв негодования в Абхазии. Теперь возмутился даже председатель АНС В. Шервашидзе, который открыто лишился даже формальной власти руководителя Абхазии. 4 июля 1918 г. от имени АНС он направил правительству Грузии и председателю Национального Совета Грузии протест. В нем, в частности, говорилось:

«В полном сознании своей ответственности Абхазский Народный Совет вступил в переговоры с правительством Грузинской Демократической Республики с целью установить взаимное понимание и дружескую связь. Правительство Грузии, также сознавая всю ответственность момента, подписало с Абхазским Народным Советом *договор 11-го июня сего года* (выделено мною. – С.Л.); и во исполнение *пункта 6 договора* (выделено мною. – С.Л.) 11 июня правительство Грузии послало в Абхазию войсковые части в помощь Абхазскому Народному Совету и в его распоряжение под командой генерала Мазниева.

По прибытии в Сухум генерал Мазниев опубликовал приказ по Сухумскому генерал-губернаторству от 23-го сего июня №1, коим Абхазия, согласно телеграмме военного министра, была объявлена Сухумским генерал-губернаторством, а генерал Мазниев генерал-губернатором. В приказе №3 генерал, уже вдаваясь в область политических взаимоотношений между Грузией и Абхазией, заявляет себя представителем грузинской власти и требует от населения безоговорочного подчинения всем законам Грузинской Демократической Республики, чем *нарушается пункт 8 договора* (выделено мною. – С.Л.).

Абхазский Народный Совет просит распоряжения об отмене приказа военного министра, коим генерал Мазниев без ведома и согласия Народного

Совета был назначен Сухумским генерал-губернатором. Причем довожу до Вашего сведения, что Абхазским Народным Советом были даны генералу Мазниеву широкие полномочия, вплоть до права введения осадного положения, но исключительно при ведении военных операций.

Прошу указать генералу, что источником власти и чрезвычайных полномочий на территории Абхазии является только Абхазский Народный Совет...

Указанные выше действия генерал-губернатора в Абхазии, по существу, создают в массах населения Абхазии недоверие по отношению Правительства Грузинской Республики...»⁷¹.

Протест В. Шервашидзе, таким образом, констатировал свершившийся факт оккупации Абхазии грузинскими войсками вслед за отторжением от Абхазии Самурзакани (ныне Гальский район), чего так опасался Симон Басария. По меткому выражению Деникина, Грузия занялась «округлением границ»⁷². Председатель АНС оказывается понятия не имел о подмене «договора» и ссылался на его текст от 11-го, а не 8 июня 1918 г., о чем подробно говорилось выше. Он упоминал п. 6 «договора», на основе которого были введены войска, а также п. 8, где отмечалось, что социальные реформы проводятся в жизнь абхазским парламентом «на основании общих законов, изданных Закавказским Сеймом, но применительно к местным условиям» (сравните с п. 6 «договора» от 8 июня, где сказано, что социальные реформы в Абхазии проводит АНС «на основе общих законов Грузии с учетом местных особенностей»).

Не знал В. Шервашидзе и о том, что назначение Мазниева генерал-губернатором Абхазии состоялось в Тифлисе 18 июня 1918 г. приказом военного министра Грузии. Иными словами, он стал фактическим правителем Абхазии еще до своего появления в Сухуме, куда прибыл 19 июня.

После введения грузинских войск в Абхазию положение резко осложнилось. Уже тогда, в июле 1918 г., «народ думал, что грузины пришли оккупировать Абхазию»⁷³. Выступая 18 июля 1918 г. на заседании АНС, И. Рамишвили вынужден был признать: «Умы абхазского народа настроены против грузинской демократии и ее представителей, про которых была пущена сплетня, что они будто бы несут рабство и порабощение абхазскому народу... Положение рисуется таким, что несомненно нужно отозвать отсюда грузинские войска, а потому он едет в Тифлис для доклада по этому поводу, так как лучше заблаговременно отозвать войска, чем ждать кровопролития»⁷⁴.

Однако правительство Грузии не удержалось от имперских амбиций, и войска не только не были выведены из Абхазии, но продолжали занимать все новые территории в направлении Туапсе. Причиной этого продвижения, по словам Деникина, послужила слабость Черноморья, поводом – борьба с большевиками, гарантией – согласие и поддержка немцев, занявших и укрепивших Адлер.

В дальнейшем грузинское правительство постаралось с помощью ученых (в частности, П. Ингорквва⁷⁵) и генералов «обосновать» свои претен-

зии на вновь занятые черноморские территории. Так, в документе, представленном 1 мая 1919 г. генералом И. Одишелидзе на Парижской конференции, утверждалось, что вся полоса побережья до Анапы и устья р. Кубань принадлежала Грузии уже в XI–XIII вв. И уж совершенно нелепо звучало заявление, будто «в продолжение XIV столетия границы постепенно отошли назад, к р. Макопсе, и с XV столетия до XIX в., т.е. вплоть до присоединения этой части Грузии к России, границей всегда была р. Макопсе (южнее Туапсе)». Вполне солидарен с подобными измышлениями и историк А. Ментешашвили⁷⁶.

В упомянутой докладной записке генерала И. Одишелидзе допущено смешение политических границ Грузии XI–XIII вв. (которая тогда представляла собой федеративное государство) с ее собственно этническими границами. В VIII–X вв. и политические границы Абхазского царства простирались до Эрети (до границы современного Азербайджана) и были гораздо шире этнических. Но никто на этом основании не утверждает, что, скажем, Имеретия, Кахетия, Картли были населены в этот период абхазами и что это абхазская земля. Хотя, если следовать логике грузинского генерала, именно к такому выводу можно прийти. Разве грузинскому ученому неведомо, что на всем пространстве от устья Кубани и Анапы до р. Ингур с древнейших времен проживали абхазо-адыгские народы?

Генерал Одишелидзе даже Сочи объявил «чисто грузинским городом», а весь Черноморский округ – «древней грузинской провинцией». Он заявлял также, что царский министр Ермолов «раздавал землю грузин русским чиновникам и генералам»⁷⁷.

В этой связи вспоминается, как в 1990 г. известный абхазский деятель Зураб Ачба очень верно подметил: «Некоторые грузинские ученые утверждают, что территория от р. Кубань до р. Ингур – это их земля. Но пусть они в пределах данной территории назовут хотя бы одного грузинского или мегрельского князя, дворянина, который владел бы, в том числе и в Абхазии, родовыми именами и собственными землями. Таких просто нет»⁷⁸.

Как известно, Черноморский край занимал площадь от Анапы до Гагры и до 1864 г. эту территорию сплошь населяли родственные народы – адыги (натухайцы, шапсуги, абадзехи и др.), убыхи и абхазы (садзы, ахчипсу). После окончания кавказской войны в 1864 г. коренное население края вынуждено было переселиться в Турцию. Район Сочи, где жили убыхи, вообще обезлюдел. На покинутых землях стали селиться колонисты – русские, поляки, эстонцы, немцы, армяне, греки, молдаване. Первые грузины переселились в Сочинский округ из Кутаисской губернии в 1881–1882 гг. и осели в основном в селе Пластунское⁷⁹. С этого времени Сочи и стал, по-видимому, «грузинским городом».

Еще в 1991 г. по поводу только что опубликованного тенденциозного исследования «Из истории взаимоотношений грузинского, абхазского и осетинского народов» (Тбилиси, 1990) я писал: «Эта работа – политический

заказ и яркое проявление тех имперских амбиций, которые сегодня вновь открыто и агрессивно возобладали в Грузии»⁸⁰.

На с. 268 «Разысканий» грузинский историк предпринимает попытку довести до ничтожной цифры и без того небольшое абхазское население, ссылаясь при этом на необъективные и второстепенные грузинские источники и совершенно игнорируя данные первой всероссийской (1897 г.) и первой всесоюзной (1926 г.) переписей населения. Так, применительно к 1917 г. он приводит следующие сведения по Абхазии: грузин – 74 846 человек (42,1%), абхазов – 38 121 (21,4%), русских – 20 893 (11,7%), греков – 20 673 (11,7%), армян – 18 219 (10,2%) и других – 5087 (2,9%)⁸¹. При этом нужно учитывать, что в число «грузин» включены поголовно все самурзаканцы и мегрелы. Однако, по результатам переписи 1897 г., абхазов было 58 697 (55,3%) человек, а грузин (в основном мегрелов) – 25 875 (22,4%), и лишь перепись 1926 г. зафиксировала 67 494 (31,8%) грузин и 55 918 (26,4%) абхазов⁸².

Интересно, что даже грузинский министр внутренних дел Ной Рамишвили, слова которого Ментешашвили приводит⁸³, указывает, что в 1919 г. в Абхазии насчитывалось 60 тыс. грузин (!). Маловероятно, чтобы он не знал о фантастической цифре грузин, полученной по данным грузинской сельскохозяйственной переписи 1917 г., и спустя два года, да еще на переговорах с англичанами, так занижил численность своих соплеменников в Абхазии. Скорее напротив, Н. Рамишвили стремился максимально завесить их количество. Но в отличие от Ментешашвили, он хорошо знал действительное положение вещей в Абхазии, где в 1917 г. 75 тыс. грузин не могло быть – этой дутой цифре англичане и генерал Деникин никогда бы не поверили. Тем более, что у Деникина были совершенно другие данные, относившиеся к 1916 году: «абхазов – 56%, грузин – 18, русских – 11, армян – 10, прочих – 5»⁸⁴. Даже в 1926 г. грузин, главным образом мегрелов, было менее 70 тыс. Далее Ментешашвили приводит сведения из другого источника⁸⁵, изданного в Тифлисе в 1927 г. В нем уже значится 36 тыс. абхазов. Иными словами, за десять лет (с 1917 г.) численность абхазов не выросла, а, по грузинским данным, сократилась более чем на две тысячи человек. Удивительно, как в грузинской статистике абхазы вообще дожили до сегодняшнего дня!

Еще 30 марта 1920 г. в абхазской газете *Апсны* по этому поводу высказался один из лучших знатоков абхазской жизни Дмитрий Гулиа. В статье «Правда одному в пользу, а другому – во вред» он особо отмечал: «Вот уже много лет кряду постоянно на многолюдных сходах, “митингах”, в выступлениях слышится, что в Абхазии проживает около 33 тыс. абхазов. Как это понимать? По данным энциклопедического словаря Ф. Павленкова, в 1910 году в Абхазии проживало 70 тыс. абхазов, по К. Мачавариани (1912 г.) – 82 900, по статистике 1916 г. – 91 тыс. В настоящее же время их около 100 тыс. Что это за люди, которые не могут отличить 100 000 от 33 000? Если не знают, почему бы им не обратиться к кому-либо из абхазов или в литературу заглянуть? Почему они не стыдятся за умышленную ложь?»⁸⁶.

Нельзя обойти молчанием и то, какими методами в 1918 г. действовало правительство Грузии, чтобы утвердиться на захваченной территории. Симон Басария по этому поводу оставил очень важное и интересное свидетельство.

«Следующий чудовищный, невероятный факт окончательно раскрыл населению, – писал он, – что грузинские империалисты вытворяют нечто кошмарное, одинаково позорное как для абхазской, так и для грузинской нации. Именно, потребовали от Абхазского Народного Совета письменный документ о том, что Туапсе есть граница Абхазии и что Абхазия имеет право занять Черноморское побережье до Туапсе включительно. Всю эту махинацию им нужно было проделать в тех видах, что армия Мазниева, заняв Сочи, уже подходила к Туапсе, но генерал фон Кресс, германский протектор Грузии, указал правительству последней на неудобство занимать чужую территорию. Вот им и нужно было заручиться документом, по которому видно было, что Туапсе занимается по просьбе абхазского народа, который, дескать, имеет историческое право на него. Члены Народного Совета абхазы протестовали против такого требования, указали на империалистические затеи Грузии и т.д., но большинство Совета из назначенцев (оккупационных властей. – С.Л.), а также новый председатель его (В. Шервашидзе. – С.Л.), разделявший политику новых властей, настоял на своем. Очевидно, как у всех создателей империй, пред грузинским правительством восстало видение огромного государства – государства величия, каким должна была стать “демократическая республика”»⁸⁷. Таковы факты.

В середине сентября 1918 г. абхазская делегация прибыла к генералу М.С. Алексееву⁸⁸, а 25 сентября в Екатеринодаре (ныне Краснодар) состоялось известное совещание, на котором рассматривался и вопрос об Абхазии. Однако с самого начала генералы Добровольческой армии не скрывали своих подозрений относительно совместного вторжения грузин и немцев в Черноморье и спрашивали: «Не участвует ли Грузия в союзе с немцами и большевиками в комбинации окружения» армии генерала Алексеева? Гегечкори отверг такое предположение⁸⁹. Интересно, что он заявил тогда Алексееву: «Вопрос о взаимоотношениях Абхазии, Грузии и Кубани нужно решать не здесь, а в другом месте»⁹⁰. В данном случае Гегечкори, хотя и косвенно, но признал, что вопрос об Абхазии еще не решен.

По поводу же занятой Мазниевым территории Сочи – Гагра генерал Алексеев заявил: «Можно ли вообще говорить об этих округах, как о грузинских, когда между ними и Грузией имеется еще целый округ Абхазии?»⁹¹. Еще более резко высказался на совещании представитель кубанского правительства Н. Воробьев: «Если говорить о границе Грузии, то нужно установить ее только вплоть до Абхазии...»⁹². Далее он заметил: «За Гагринским округом имеется еще и Абхазия, которую отдавать на съедение мы не можем. Грузия должна начинать свои границы за Абхазией...»⁹³.

Конкретную оценку действиям Грузии и ситуации на Черноморье дал и генерал А. Лукомский: «...В этот период грузинское правительство должно было действовать по указке немцев и, наконец, для Грузии Сочинский округ имел громадное значение в смысле зоны, отделяющей от Добровольческой армии Сухумский округ, населенный свободолюбивым и воинственным абхазским народом, не желавшим подчиниться Грузии. Грузинское правительство опасалось, что если Сочинский округ войдет в состав Черноморской губернии, то непосредственное соседство района, подчиненного Добровольческой армии, с Сухумским округом может повлиять на отпадение Абхазии от Грузии и лишение последней портов на Черном море»⁹⁴.

На сентябрьском совещании в Екатеринодаре генерал Алексеев констатировал, что будущее положение Абхазии вообще не определено⁹⁵. Очень интересную позицию занял тогда известный политический деятель России В.В. Шульгин. Обращаясь к Гегечкори, он спросил: «...Мы можем быть вполне компетентны и в своих решениях по вопросу об Абхазии. По ст. 13 дополнения к Брестскому договору, Грузия признана независимой, и если бы Абхазия захотела этого, я думаю, по тем же основаниям, она могла бы добиться самостоятельности. Прошу ответить, если при заключении Брестского договора была речь о границах, то были ли установлены границы Грузии?».

Вопрос прозвучал настолько неожиданно для Гегечкори, что он вынужден был признать: «Нет, зафиксировано точных границ не было. Особым декретом было заявлено, что границы устанавливаются временем»⁹⁶. Но если «Грузия считает себя независимой республикой», возражали собеседники тифлисскому дипломату, то «пусть предоставит и Абхазии иметь суждение о своей судьбе»⁹⁷.

Как свидетельствует документ, даже на конец сентября 1918 г. у Грузии еще не были установлены границы и ее «государственность» была столь зыбкой, что ее притязания на Абхазию выглядели просто несерьезно. Тем более что главный союзник социал-демократической Грузии, императорская Германия, доживала последние месяцы и вместе с султанской Турцией отходила на задний план. С резким ослаблением их международных позиций рушились и надежды грузинского правительства. Германия терпела сокрушительное поражение в Первой мировой войне, а «Деникин и его правительство не признавали Абхазию в составе Грузии» даже в 1919 г., о чем свидетельствует нота Сазонова, бывшего министра иностранных дел царской России и представителя Деникина на Парижской конференции, лорду Керзону (С. 280–281). С этим справедливым замечанием А. Ментешашвили нельзя не согласиться.

Нужно учитывать и то обстоятельство, что с осени 1918 г. Добровольческая армия была главной политической силой, с которой считалась прежде всего Англия, а Грузия практически ничего не решала и фактически не существовала как государство. Так, приводя протокол совещания от 23 мая

1919 г., состоявшегося между грузинской делегацией (Е. Гегечкори, Н. Рамишвили) и представителем Деникина генералом Бриггсом, А. Ментешавили отмечает, что этот документ наглядно свидетельствует о планах захвата Деникиным «всей Абхазии и отторжения ее от Грузии» (С. 273). За высокопарными рассуждениями грузинской делегации о государственной границе и о том, что «2000 лет Грузия существовала как независимое государство» и т.п., невозможно скрыть тот факт, что правительство Грузии стремилось обрести международное признание, чему всячески противилась Англия. «Ведь наше международное положение еще не выяснено окончательно, и мы ждем разрешения этого вопроса!» (С. 276) – воскликнул в сердцах Гегечкори. Шел май 1919 года. Грузию как самостоятельное государство никто не признавал. Какую же автономию могла она предоставить Абхазии?

VI

Грузинские оккупационные власти проводили в Абхазии репрессивную политику. Однако многие грузинские авторы пытаются преподнести эти действия как «редкие случаи превышения полномочий со стороны правительственных войск». Что же на самом деле происходило в Абхазии после вторжения грузинской армии?

В связи с неоднократными высадками в июне – августе 1918 г. абхазского десанта махаджиров из Турции войска Грузинской республики проводили в Кодорском участке карательные акции. Против мирного крестьянского населения, которое не успело сорганизоваться и поддержать абхазов-махаджиров, была развязана самая настоящая война. Тифлиссские власти, лицемерно называя очамчирских абхазов лояльными, воспользовались высадкой десанта и под предлогом борьбы с ним огнем и мечом прошли по кодорским селам. Была буквально разгромлена Джгерда – родина Таташа Маршания. Большевистское правительство возбудило большое дело «О повстанческом движении в Абхазии». Начался розыск руководителей движения – Александра Шервашидзе, Таташа Маршания, Симона Басария, Такуя Цвижба, Хаки Авидзба, Меджида Багапш, Кегвы Киут, Хабиджа и Карамана Ашуба и др.

В ночь на 15 августа 1918 г. у Моквского монастыря регулярные грузинские части совместно с казаками разбили махаджиров. В тот же день правительство Грузии при активном участии Варлама Шервашидзе разогнало АНС, который стал выходить из повиновения и еще 8 августа 1918 г. в отсутствие В. Шервашидзе принял решение о создании комиссии для выборов в абхазское Учредительное собрание⁹⁸. Такое решение заключало для Грузии серьезную угрозу, так как в соответствии с «договором» от 8 (или 11) июня 1918 г. Абхазия на подобном Учредительном собрании должна была окончательно определить свое политическое устройство и

взаимоотношения с Грузией. В связи с этим стремлением Тифлис обвинил депутатов АНС в «туркофильстве». В зал заседания ворвались меньшевистские гвардейцы. АНС был разгромлен и «реорганизован» путем замены неугодных депутатов «горской» ориентации людьми грузинского правительства. В Тифлис полетело сообщение: «Сегодня, 15 августа, оппозиция Абхазского Народного Совета разогнала старый состав, организуя в тылу восстание туркофильствующего характера»⁹⁹.

О карательных мероприятиях оккупационного режима министр по делам Абхазии Р. Чхотуа подробно сообщал из Тифлиса 2 сентября 1918 г. председателю АНС В. Шервашидзе: «Регулярные войска в тылу, и в ближнем и в дальнем, не нашедши возможность соприкосновения с турками, занялись массовыми арестами мирного населения и поджогами. В настоящее время сухумская тюрьма переполнена мирными абхазцами Кодорского участка, которые числятся в списках Штаба военнопленными. Что касается поджогов, то они продолжают до последнего времени... Все происходящее в силу сказанного выше начинает учитываться народными массами, как акт враждебного насилия со стороны правительства Демократической Республики, направленный к покорению Абхазии...»¹⁰⁰.

После первого разгона АНС и его «реорганизации» он был превращен в удобную ширму правительства и военных кругов Грузии. От имени АНС власти проводили в Абхазии самые беззастенчивые мероприятия, вплоть до карательных расправ над мирными жителями. Среди населения нарастало недовольство политикой подавления и деятельностью АНС, который возглавлял политик грузинской ориентации Варлам Шервашидзе.

20 сентября 1918 г.¹⁰¹, накануне второго разгона АНС, министр по делам Абхазии Р. Чхотуа направил председателю правительства Грузии и В. Шервашидзе отношение о необходимости пересмотреть «договор» от 11 июня 1918 г. между Абхазией и Грузией на основании его 1-го пункта (как видим, и министр ничего не знал о «договоре» от 8 июня!).

По свидетельству М. Тарнава, оппозиция остро критиковала фракцию меньшевистской правящей партии за бездействие в связи с бесчинствами военных властей. К октябрю 1918 г. соотношение сил в парламенте стало уже меняться в пользу оппозиции. На бурном заседании АНС 9 октября 1918 г. депутаты поставили вопрос о виновниках и соучастниках разгона Совета 15 августа. В своем заявлении депутаты Д. Алания, С. Ашхацава и др. потребовали «восстановить в правах насильственно распущенный Народный Совет, пользующийся полным доверием Абхазского народа, с его законным президиумом во главе». Семен Ашхацава потребовал: «Трудовое население Абхазии определенно решило взять власть в свои руки, для чего прислало своих представителей... Необходимо переизбрать президиум (т.е. В. Шервашидзе. – С.Л.). Люди, не пользующиеся ни доверием, ни уважением народа, не могут править страной»¹⁰². Вечером 9 октября депутаты АНС проголосовали против председателя Совета В. Шервашидзе. Здание тут же оцепили

грузинские гвардейцы, а на следующий день, 10 октября, второй АНС был разогнан военной силой. Большевистское правительство объявило о роспуске АНС и назначении новых выборов. Утром 10 октября были арестованы окружной комиссар И. Маргания вместе с С. Ашхацава. Днем на бульваре собрался митинг, на котором выступил Г. Туманов с «резкой обличительной речью против меньшевистских безобразий». Митинг был разогнан, а Г. Туманов и Г. Аджамов (оба входили в делегацию по поводу «договора» 8 июня 1918 г.) арестованы. В последующие дни власти взяли под стражу видных абхазских депутатов Д. Алания, В. Чачба, М. Шлаттера – всего до 16 человек. Несколько абхазских политиков ночью отправили на пароходе в Батум, а затем заключили в тифлисскую Метехскую тюрьму. Они обвинялись в заговоре против Грузинской республики, в связях с турками и Добровольческой армией. Организаторами попытки переворота в Абхазии были названы министр Р. Чхотуа и комиссар И. Маргания.

10 октября 1918 г. в Тифлисе выступил с докладом глава правительства Н. Жордания. В постановлении правительства Грузии АНС объявлялся распущенным, а должность министра по делам Абхазии упразднялась.

Так, в Абхазии были ликвидированы последние остатки липового «договора» от 8 июня и фиктивного самоуправления Абхазии, которая оказалась полностью оккупированной военной силой Грузинской республики. Свое присутствие здесь Тифлис объяснял то борьбой с большевиками и анархией, то с туркофильством и алексеевскими настроениями. 9 октября 1918 г. на драматическом заседании АНС очень метко по этому поводу высказался С. Ашхацава: «Существующий порядок не может больше продолжаться. Разговор о туркофильстве – это вздор и обман...»¹⁰³.

С подачи В. Шервашидзе, Д. Эмухвари и др. марионеток был окончательно разогнан неудобный Тифлису состав второго АНС. Наступил период неприкрытой оккупации Абхазии. В 3-м пункте постановления грузинского правительства от 10 октября 1918 г. сообщалось: «Временно, до избрания Народного Совета Абхазии (Жордания уже и название АНС изменил. – С.Л.), назначить комиссаром Сухумского округа Бению Чхиквишвили, в руки которого должна перейти вся полнота власти; до его приезда высшей военной и гражданской властью облачить начальника штаба Сухумского отряда Тухарели».

Из приведенного документа видно, что грузинское правительство совершило давно подготовляемый переворот. С октября 1918-го по март 1919 г. все гражданское управление Абхазией осуществлялось прямым вмешательством Грузинской республики. «Договор» от 8 июня утратил всякое значение. Чрезвычайный комиссар Б. Чхиквишвили опирался на вооруженную силу Грузии и на подчиненных ему комиссаров уездов.

В условиях неприкрытой оккупации грузинское правительство приступило к выборам третьего АНС на «демократических» началах. Председателем центральной избирательной комиссии, как и ее членами, стал «свой»

человек, меньшевик В. Шервашидзе, однако вся работа комиссии направлялась из Тифлиса через Б. Чхиквишвили и И. Рамишвили. 17 декабря 1918 г. в парламенте Грузии с докладом о положении в Абхазии выступил министр внутренних дел Ной Рамишвили. Признавая, что в Абхазии до сих пор действовал «правительственный меч», он утверждал, что военные действия всегда сопровождаются «притеснением» мирного населения, почему там и раздаются голоса недовольных. Предложив немедленно приступить к «положительным действиям» и срочно создать новый Народный Совет, министр представил проект о выборах в АНС, который и был утвержден парламентом Грузии 27 декабря 1918 г.¹⁰⁴

Новый АНС должен был избираться всеми жителями Абхазии без различия подданства, в то время как в самой Грузии значительная часть населения была лишена избирательных прав. Поправки, внесенные в проект о выборах и относившиеся к Абхазии, характеризовались вполне определенной направленностью. Так, одна из них гласила: *«депутатами АНС могут быть избраны подданные Грузии, не проживающие в Абхазии, и те, кто получил право на жительство в Абхазии и после 19 июля 1914 года»*. Таким образом, все было сделано для того, чтобы в новый состав АНС прошли такие депутаты, как Исидор Рамишвили, Лев Тумаркин, пристроившийся на службу к властям Тифлиса, и многие другие, которые никак не были связаны с Абхазией, но в дальнейшем фактически управляли ею в результате проведения «демократических» выборов.

В результате ноябрьской революции 1918 г. в Германии Грузия лишилась своего главного союзника, и все договоренности Тифлиса с императорской Германией и султанской Турцией канули в лету. Страны-победительницы, прежде всего Англия, не признавали грузинской государственности. Это делалось в соответствии с пожеланиями генерала А.И. Деникина, ближайшего ее союзника. Казалось, режим Н. Жордания доживает последние дни, так как победа Антанты означала победу Деникина и ликвидацию меньшевистской Грузии. В отличие от немцев, англичане не церемонились с Тифлисом и сразу же предъявили правительству Грузии жесткие требования, в том числе относительно оккупированной Абхазии. «Первый англичанин, – вспоминал Жордания, – который явился ко мне от имени английского командования, был генерал Брайтфорд. Генерал прибыл на заседание правительства. Он вошел к нам как фельдфебель, грубый и невоспитанный, появился как властелин. Между нами произошла стычка. Он с угрозой нам объявил: “Вы здесь долго не будете господствовать!” – и ушел»¹⁰⁵.

Именно в такой, сложнейшей для Грузии ситуации ее правительство признало, наконец, истинный – карательный – характер своих действий в Абхазии (Н. Рамишвили), в декабре 1918 г. вынесло специальное постановление о расследовании акций грузинских войск и поспешило объявить (в который раз!) об устройстве внутренней жизни Абхазии на «автономных началах», чтобы не потерять захваченную территорию, а главное – сохранить свое существование.

Политическую ситуацию этого непростого периода психологически верно обрисовал «вождь Красной Армии» Л. Троцкий. В феврале 1922 г. в работе «Между империализмом и революцией. Основные вопросы революции на частном примере Грузии» он писал: «25 сентября 1918 г. Жордания письменно заверял фон Кресса: “Не в наших интересах умалять престиж Германии на Кавказе”. А через два месяца пришлось уже открывать ворота великобританским войскам... Словом, при перемене германского подданства на антантовское вожди грузинского меньшевизма чрезмерно пренебрегли добрым старым советом русского поэта: “Льстецы, льстецы, умеете сохранить и в самой подлости оттенок благородства”»¹⁰⁶.

Абхазские депутаты, арестованные 10 октября 1918 г., находились в заключении в течение всего периода выработки положения о выборах в АНС, в то время как предвыборную агитацию вела исключительно правящая социал-демократическая партия и агенты грузинского правительства. Только незадолго до выборов депутаты были освобождены из Метехи по требованию Деникина и командующего союзными войсками на Кавказе английского генерала Томсона, который 5 декабря 1918 г. обратился к правительству Грузии по поводу арестованных абхазов. На следующий день, 6 декабря, состоялась беседа между английским полковником Стоксом, представителями Грузии в Баку Алишибая и полковником Марганадзе. Очень интересную стенограмму этой встречи из архива Гарвардского университета цитирует А. Ментешашвили¹⁰⁷. Вообще, следует заметить, что этот ученый порой приводит документы, которые ставят под сомнение некоторые его выводы. Нам, «не допущенным» в Гарвард, остается только догадываться, сколько еще интереснейших документов хранится в тамошнем «Грузинском архиве», которые чем-то «смущают» историков из Тбилиси. Приведу лишь фрагмент из беседы Стокса с грузинскими представителями.

«Стокс: – Где они у вас находятся?»

Алишибая: – В Тифлисе, в Метехском замке – это тюрьма для политических.

Стокс: – Зачем такие суровости?»

Алишибая: – Г-н полковник, они обвиняются в государственной измене. Правительство не могло не отнестись к ним по всей строгости закона. Из числа арестованных один был причастен к большевистскому движению, другой – из числа тех абхазцев-туркофилов, которые четыре месяца тому назад хотели организовать высадку турецкого десанта в Абхазии.

Стокс: – Вы томите в тюрьме абхазцев, не предъявляя обвинения, мы этого допустить не можем.

Алишибая: – С Абхазией у нас наилучшие отношения. Вам это может подтвердить полковник Марганадзе – наш военный представитель при дипломатическом представительстве.

Марганадзе: – Я абхаз и служу у грузинского правительства. Я должен заверить Вас, что между нами, абхазами, и Грузией нет неприязненных

отношений. Грузия в силу договора с Абхазией предоставила ей полное внутреннее самоуправление. Абхазский Народный Совет ведает всеми внутренними делами Абхазии. Только отдельные личности могут идти против грузинского правительства, а не абхазский народ.

Алишбая: – Вы заступаетесь за лиц, которые недостойны Вашего заступничества. Положение заключенных абхазцев должно волновать Абхазский Народный Совет больше, чем кого бы то ни было, но Абхазский Народный Совет не сделал никакого заявления в защиту арестованных – это потому, что они не заслужили заступничества.

Стокс: – Я нашел бы нужным освободить их из тюрьмы, но держать их в Тифлисе, пока наш представитель не приедет и не разберет вопроса».

Скоро представитель британцев приехал и «разобрал вопрос». По словам Л. Троцкого, «английский поручик стучал штыком по столу грузинского прокурора», требуя немедленного освобождения арестованных¹⁰⁸.

Приведенная выше стенограмма – поразительный документ коварства и лицемерия представителей правительства Грузии, которые выдали за абхаза полковника Марганадзе в надежде, что его слова произведут нужное впечатление на английского офицера. Тифлисское правительство шло на любой подлог, лишь бы удержать Абхазию в своих руках. Его посланцы цинично заявили о том, что судьба заключенных абхазских депутатов должна волновать Абхазский Народный Совет, который-де «не сделал никакого заявления» в их защиту. Ту же очевидную глупость в уверенности, что англичане не владеют всей информацией, Алишбая повторил и в своем письме генералу Томсону. Как же АНС мог что-то заявить, когда он был разогнан грузинскими властями еще 10 октября 1918 года?

Между прочим, следует обратить особое внимание на тот факт, что в последней своей публикации А. Ментешашвили (С. 272–273) вообще изъясил фрагмент с упоминанием «абхаза Марганадзе», который он приводил в более ранних изданиях¹⁰⁹. Что это – подтасовка или «другая редакция»? Или таким образом ученый отреагировал на мою критику¹¹⁰ этого документа, прозвучавшую еще в 1991 году?

VII

В условиях нового расклада геополитических сил на Кавказе и резкого ослабления позиций Грузии, оставшейся на первом этапе без союзников и один на один с Деникиным, в начале 1919 г. Добровольческая армия предприняла наступление в районе Гагры с целью отбросить грузинские войска за р. Бзыбь и *объявить Абхазию (Сухумский округ) нейтральной территорией*. В это же время с Деникиным начали переговоры представители Абхазии. В 1919 г. в абхазской газете *Апсны* сообщалось, что Александр Шервашидзе вручил Деникину письмо, в котором говорилось, что, «начиная с января месяца, абхазцы несколько раз просили его, чтобы он помог вывес-

ти из Абхазии грузинские войска, которые всячески притесняют абхазцев». В подобном духе было выдержано и письмо известного в народе Алексея Хасая, которое он также лично вручил Деникину в надежде на помощь – «для освобождения нашей Абхазии от захвативших ее чужаков».

Положение в Абхазии оказалось в центре внимания союзного командования, которое потребовало от грузинского правительства изменить политику в отношении захваченного им Сухумского округа. В своем специальном послании генерал Деникин 1 февраля 1919 г. сообщал английским генералам Уоккеру и Мильну, что к нему обратились с письмом «официальные представители абхазского народа», которые подробно осветили трагическое положение Абхазии после ее оккупации грузинскими войсками. В послании отмечалось также: «Ныне Грузия объявляет новые выборы в совет и проводит их под давлением вооруженной силы... Поэтому абхазские представители просят меня, во-первых, приостановить выборы в совет под влиянием грузинских властей и, во-вторых, предложить союзному командованию о немедленном выводе грузинских войск из Абхазии, дабы избавить абхазский народ от насилий, могущих вызвать кровавую смуту...». Генерал Деникин требовал: 1) немедленно объявить Сухумский округ (Абхазию) нейтральным; 2) отвести грузинские войска за р. Ингур; 3) удалить из Абхазии грузинскую администрацию; 4) «возложить поддержание порядка на абхазские власти, свободно ими самими выбранные»¹¹¹.

Вслед за тем, 23 февраля 1919 г., у английского генерала Уоккера состоялся жесткий разговор с Н. Жордания, в ходе которого последний пообещал предоставить Абхазии широкую автономию¹¹². Это был тот самый генерал Уоккер, который, по словам Л. Троцкого, грозил «пальцем перед самым носом у председателя правительства Ноя Жордания, предупреждая его, что немедленно закроет центральный меньшевистский орган, если там появится статья, способная огорчить Антанту». «Когда Деникин отбирал у Грузии Сухумский округ, – писал он далее, – меньшевики жаловались на Деникина Уоккеру, а на Уоккера – Гендерсону, – в обеих инстанциях с одинаковым успехом»¹¹³.

*Опасаясь, что Деникин при поддержке англичан добьется нейтрального статуса для Абхазии, грузинское правительство форсировало выборы в новый, третий АНС. По поводу этих «демократических» выборов в тифлисской меньшевистской газете **Социал-демократ** Михаил Гарнава констатировал: «Предвыборную агитацию вела только правительственная партия Грузии... Другим партиям всячески ограничивалась возможность агитирования за своих кандидатов». В результате февральских выборов в новом АНС оказались 40 депутатов, из которых 27 открыто выражали интересы правительства Грузии.*

С 18 по 20 марта 1919 г. в Сухуме проходило заседание нового АНС (в мае 1919 г. он был переименован в НСА – Народный Совет Абхазии). Вступительное слово на его открытии произнес все тот же Исидор Рамишвили,

представитель Грузинской республики в Абхазии: «Мы не похожи на завоевателей и не земля здешняя нам нужна, мы ищем соратников в борьбе, с которыми мы пойдем вместе к славному великому будущему социализму»¹¹⁴. При этом он особо отметил: «Мы знаем стремление реакционных групп народа к “независимости”, но для этого маленький народ еще не готов, и его могут взять в руки и в рабство поработители, и из этой петли сам народ не сможет освободиться»¹¹⁵. На следующий день в газете *Наше слово* эта часть выступления И. Рамишвили была дана в следующей редакции: «Стремление абхазского народа к независимому существованию вполне естественно. Но этот маленький народ еще для этого не готов, и под именем независимости разные поработители на его шею накинута такая петля, из которой освободиться ему будет стоить многих усилий. Когда же Абхазия почувствует силу к самостоятельному существованию, тогда наша помощь к осуществлению этого шага за ней обеспечена»¹¹⁶.

На открытии 3-го АНС от различных фракций и групп выступили: Л.М. Тумаркин (социал-демократ), П.Л. Геловани (социалист-федералист), С.Я. Чанба (независимец), Р.И. Какуба (независимая крестьянская группа), М.Л. Григолия (социалист-революционер) и Н.К. Тавдгиридзе (национал-демократ). В своем выступлении 18 марта 1919 г. Самсон Чанба, в частности, говорил:

«Грузинские социалисты, когда они жили в России, шли по пути интернационализма, но, вернувшись к себе, в Грузию, решили создать свое государство... Государство, как известно, не может существовать без территории и людских ресурсов. Поэтому грузины стараются раздвинуть, расширить границы этой страны. И маленькая Абхазия для этого лакомый кусок.

В наше время трудно стало захватить кого-либо насильственным путем, если для этого не подыскать повод, хитросплетенный подход. И вот перед нами маячит выдвинутый великой революцией вопрос о самоопределении народов, но в перелицованном виде. И теперь мы, народ Абхазии, самоуправляемся. Но так ли это на самом деле? Внешне как будто так, но, если взглядеться глубже, наше самоуправление находится не в наших руках, ибо другие, вырвав его из наших рук, используют его в своих интересах.

Разогнав состав Абхазского Совета (в октябре 1918 г. – С.Л.), отняли у нас власть. Затем послали в районы Абхазии уйму агитаторов, чтобы подобрать нужных, послушных им людей в Совет, дабы их устами провозгласить давно вынашиваемую цель – присоединить Абхазию к Грузии. Как воочию убеждаемся, им осталось не так уж много, чтобы осуществить эту свою цель.

Мы не против самоопределения грузин и их республики, больше того, мы это приветствуем. А вместе с тем мы также уважаем себя. Какие бы сладкозвучные слова они ни произносили, сквозь них просвечивает их замысел – держать Абхазию на прицеле»¹¹⁷.

Давление Добровольческой армии по абхазскому вопросу, оказанное через британское командование, безусловно, напугало грузинское правительство и вынудило через своих ставленников в АНС 20 марта 1919 г. провести ни к чему не обязывающий «Акт об автономии Абхазии».

В связи с сочинским конфликтом, потеря Грузией Абхазии могла стать реальностью, что подтверждается и начальником «Особого совещания» генералом Лукомским: «Лучшим же выходом из создавшегося положения, как об этом и сообщалось английскому командованию, было бы преобразование из Сухумского округа, населенного главным образом абхазским народом и на владение коим Грузия не имела никаких прав, нейтральной зоны. Это разрешило бы все недоразумения, а крикливое, но бессильное грузинское правительство, конечно, покорилось бы этому решению. Но этого не было сделано...»¹¹⁸.

Сам по себе «Акт об автономии Абхазии»¹¹⁹ содержал всего два пункта. Принятие Акта тогда же приветствовалось парламентом Грузии. Однако по сути своей он так и остался на бумаге, а три различных проекта Конституции Абхазии не были одобрены в силу разногласий между АНС, с одной стороны, и грузинским правительством и Учредительным собранием – с другой.

Председателем 3-го АНС стал меньшевик Арзакан Эмухвари, а в мае Совет вновь возглавил Варлам Шервашидзе. Эмухвари тогда же пересел в кресло председателя правительства Абхазии («комиссариата»). После формального принятия Акта АНС стал выполнять функции законодательного органа, а комиссариат – исполнительного. Однако очень скоро всем стала очевидной иллюзорность игры в автономию.

Тогда же, весной, у англичан и генерала Деникина возникли большие подозрения относительно «демократичности» выборов в Абхазии. Это нашло свое отражение и в протоколе совещания представителей грузинского правительства и Добровольческой армии при посредничестве английских генералов Бриггса и Бича, которое состоялось в Тифлисе 23–24 мая 1919 г. Ной Рамишвили заявил тогда: «Демократические принципы, о которых Вы говорили, генерал, являются только тем, чем руководствуется грузинское правительство и что лежит в основе во всех его действиях. Наше продвижение в Сухумском округе имело целью борьбу с большевизмом. Население этого округа равно 200 тысячам, из коих большинство составляют абхазцы и грузины (здесь Рамишвили не говорил, что грузин 60 тыс. чел. – С.Л.). Это население выявило свою волю в выборах Народного Совета, доказавших, что оно желает получить автономное управление в пределах независимой Грузии...». Генерал Бриггс ответил: «Раз большинство населения Сухумского округа составляют грузины, то вы не должны опасаться, если Союзная Комиссия произведет расследование. Если Комиссия выяснит, что население будет за Грузию, то Деникин не будет противиться этому...»¹²⁰. Гегечкори генерал Бриггс также заявил: «Абхазцы недовольны

грузинским управлением и даже заявляют, что если им дадут оружие, то они сами очистят округ от грузинских войск. Грузины поступают там хуже большевиков: отнимают дома, земли, производят социализацию и национализацию имущества». Далее английский генерал отметил: «Что касается Сухумского округа, то из других источников я слышал, что желание воссоединиться с Грузией не есть выражение воли населения. Если абхазы на Русском народном собрании заявят о своем желании быть с Грузией, то в настоящее время торжества демократических принципов эта воля народа должна быть удовлетворена, и Деникин, настроенный демократически, не будет против этого. Сейчас Деникин хочет обеспечить свой тыл и согласен, чтобы *Сухумский округ был нейтральной зоной*, но он не будет разговаривать до тех пор, пока грузинские войска не отойдут за Бзыбь»¹²¹.

В свою очередь, Рамишвили и Гегечкори настаивали на том, что окончательное решение должно быть принято не на Русском народном собрании, а на Парижской конференции.

На следующий день, 24 мая 1919 г., в беседе с английским генералом Бичем Ной Жордания сетовал на генерала Бриггса: «Мне приходится впервые слышать подобные речи от английских генералов». В ответ генерал Бич неожиданно заметил: «Мы хотим иметь британского офицера в Сухуме. Вы не очень протестуете против этого?»¹²².

С отчетом об этих переговорах на заседании Народного Совета (НСА) в Сухуме 6 июня 1919 г. выступил председатель комиссариата А. Эмухвари. Абхазский депутат И. Маргания по поводу сложившейся обстановки заявил тогда: «Многим из вас известно, что бывший Чрезвычайный комиссар Чхиквишвили посылал телеграмму, что он застал Абхазию в объятиях анархии. Я заявляю, что само грузинское правительство вызывает усиление анархии и теперь не только страна в объятиях анархии, но и сами комиссары (намек на А. Эмухвари. – С.Л.) в объятиях анархии»¹²³.

Вскоре появилось и заявление 14 депутатов НСА (И. Маргания, Д. Алания, М. Тарнава, М. Цагурия и др.) от 29 сентября 1919 г., в котором о ситуации в Абхазии говорилось: «По какой-то злой иронии, Великая Русская революция, давшая свободу и независимость почти всем народам Кавказа, обошла маленькую Абхазию, и в нашей стране великие принципы революции совершенно заслонились произволом и насилием властей. И так как все эти насилия производились именем грузинского правительства, то в абхазской массе сложилось представление о грузинах как о насильниках и поработителях... Переходя к деятельности бывшего Чрезвычайного комиссара гражданина Чхиквишвили, назначенного грузинским правительством после разгона Совета для управления Абхазией, мы не можем обойти молчанием этого знаменательного периода. Подобно генералу Мазниеву, он сорганизовал отряд из отбросов... Убытки, причиненные этим отрядом, выразились в миллионах. Период Чрезвычайного комиссара г. Чхиквишвили совпал также с выборами в Абхазский Народный

Совет, и надо отдать справедливость г. Чхиквишвили, что он блестяще выполнил свою задачу, проведя в Совет по преимуществу представителей неабхазского населения, совершенно не связанных ни в какой степени с интересами края»¹²⁴.

В этот период в НСА усилилась борьба и произошла перегруппировка сил. Депутаты разбились на два лагеря: в одном собрались почти все абхазы во главе с «независимцами», которые находились в оппозиции к грузинскому правительству, в другом – сторонники Тифлиса. Осенью 1919 г. ряды правящей меньшевистской партии покинули абхазские социал-демократы М. Тарнава, А. Чукбар, Д. Дзкуя, К. Барциц, Базба, Кобахия, Цвижба. Они протестовали против расправ грузинских гвардейцев под командованием полковника Тухарели над мирным крестьянским населением. По их словам, эти карательные действия в Бзыбской Абхазии превзошли жестокость царского генерала Алиханова-Аварского. «Начальник грузинского отряда, поручик Купуня, – писали они, – бывший пристав г. Поти, избил целый сход в селении Ацы, заставив всех лечь под пулеметный огонь, и прошелся затем по их спинам, нанося удары шашкой плашмя... Обратившиеся к нему с протестом против такого зверства и насилия члены бывшего Абхазского Народного Совета, Абухба и Дзукую, были арестованы...».

Этот широко известный документ приводит и Л. Троцкий¹²⁵, и я несколько не удивлюсь, если грузинский историк за цитирование этого большевистского вождя назовет меня «троцкистом»...

Карательные меры применялись не только против абхазов, но и против южных осетин. Их осуществляли «красногвардейцы» Джугели, потом отряды «народной гвардии» Мазниашвили, которые отличались от советской «красной гвардии» только «национальным шовинизмом». Они были хорошо вооружены, особенно артиллерией, доставшейся от бывшего Кавказского фронта Русской армии, получали высокое жалованье и, за редким исключением, возглавлялись людьми с тюремным прошлым¹²⁶.

В 1919–1920 гг. почти никто из абхазов (кроме А. Эмухвари, о котором С. Басария писал: «Народ его не видел и видеть не хотел») не соглашался сотрудничать с властями. Несмотря на просьбы и даже угрозы меньшевиков, авторитетный в народе учитель А. Чочуа отказался выдвинуть свою кандидатуру в депутаты Учредительного собрания. В августе 1919 г. в связи с запросом грузинской национал-демократической партии о положении в Абхазии Учредительное собрание было вынуждено признать: «Реальные интересы грузин и абхазцев требуют немедленной смены односторонней и крайней политики нашего правительства в Абхазии, которая неприемлема для большинства абхазского населения».

Между тем центральные власти из Тифлиса усиливали давление на НСА. «При таком положении, – писал М. Тарнава, – продолжала фактически существовать прежняя оккупация, которая и была до 3-го Абхазского Народного Совета и Комиссариата Абхазии. Последние нужны были только как

ширма и форма, под прикрытием которых проводились бы в Абхазии все принципы грузинской меньшевистской государственности...»¹²⁷.

Осенью 1919 г. в тифлисской газете *Социал-демократ* Михаил Тарнава открыто заявлял, что Абхазия «лишена всякой самостоятельности» и является страной «оккупированной»¹²⁸. Вопреки сообщению Л. Тоидзе (С. 293), он долгое время являлся членом грузинской меньшевистской партии и не был настроен большевистски. Однако возмутительные действия грузинского правительства по отношению к Абхазии вынуждали ее политическую элиту искать союзников то на Северном Кавказе, то в лице Деникина, то обращать взоры на Советскую Россию, с которой, кстати, усиленно заигрывал Жордания. Не случайно, что еще в октябре 1918 г. депутат Семен Ашхацава предупреждал: «Если дальше так будет продолжаться, то действительно народ примет какую угодно ориентацию, не только турецкую, даже дьявольскую, лишь бы избавиться от захватчиков...».

Не задним числом, а 20 октября 1919 г. М. Тарнава высказал в тифлисской газете свое мнение об оккупационном режиме в Абхазии. «В городах созданы военные комендатуры, – сообщал он, – в центре – окружное военное управление под названием штаба обороны во главе с полковником Тухарели, в уездах оперируют войсковые части, по своему усмотрению заменяя администрацию, словом, все военно-административное управление страной находится в руках военных агентов грузинского правительства»¹²⁹.

В феврале 1920 г. в Сухуме начал работу Съезд абхазской интеллигенции, который открыл вступительным словом В.Т. Анчабадзе. На нем выступили депутаты НСА Иван Маргания, Михаил Тарнава, Дмитрий Алания и другие. «Советская Россия заинтересована в судьбе Закавказских республик, – говорил И. Маргания, – так и Грузия страстно заинтересована в судьбе Абхазии, что Грузия без Абхазии не может существовать, а абхазцы заинтересованы в том, чтобы они были независимы от Грузии, чтобы они были бы свободными... Нас, абхазцев, подвергли самым жестоким пыткам, что все политические партии Грузии подходят к Абхазии с той точки зрения, что Абхазия, как и Мингрелия, Гурия и Сванетия, есть составная и неотъемлемая часть Грузии, что и является большой ошибкой, так как Абхазию населяют народы, совершенно чуждые грузинам по языку, нравам и обычаям, что они, грузины, насильственно насаждают грузинский язык в Абхазии... Настоящий режим делает гораздо худшее, чем старый... Демократический строй отошел от своих задач... Никогда так цинично не обманывали народ, как теперь»¹³⁰.

Выступление Маргания поддержал Д. Алания: «Они (в Тифлисе. – С.Л.) говорили, что они не империалисты, что их не нужно бояться»¹³¹. Не остался в стороне и М. Тарнава: «Абхазский Народный Совет и Комиссариат являются не представителями народа, а агентами правительства. Комиссариат больше связан с Тифлисом, чем с краем... Прямой провод износился. При таком отношении могут ли эти учреждения сделать что-нибудь? Они дела-

ют только для наших соседей... Как центральное правительство смотрит на нас? Когда мы не были с Грузией, тогда с нами считались... Такая политика добра не принесет. Все это они оформили какой-то автономией. На самом деле нечто вроде оккупации... Абхазию обратили в какую-то провинцию Грузии»¹³².

В 1920–1921 гг. недовольство по поводу затянувшегося принятия Конституции «автономной» Абхазии стали выражать даже такие деятели, как председатель НСА Варлам Шервашидзе. В ноябре 1920 г. в одной из подробных «записок» на имя председателя правительства Грузии делегация Народного Совета (В. Шервашидзе, И. Пашалиди, Д. Захаров, А. Убирия, В. Гурджуа, М. Тарнава, М. Бериулава, Д. Алания, М. Цагурия) заявила в Тифлисе: «Все заявления правительства о незыблемости автономии на практике далеко расходятся с действительностью. По существу, начиная с 1918 г., правительство республики все более расширяло область своего вторжения во все сферы жизни Абхазии... *Отношения между Грузией и Абхазией до сих пор не оформлены, а следовательно, юридически не обязательны для обеих сторон* (выделено мною. – С.Л.)»¹³³.

Упомянутая делегация НСА прибыла в Тифлис 6 ноября 1920 г. для рассмотрения проекта Конституции Абхазии в смешанной комиссии на паритетных началах совместно с представителями Учредительного собрания Грузии¹³⁴. Однако правительство категорически отказалось совместно с делегацией Совета рассматривать и принимать в Учредительном собрании и НСА будущую Конституцию Абхазии. Тем самым был грубо нарушен пункт 2-й Акта от 20 марта 1919 г. В связи с таким положением члены конституционной делегации НСА 5 декабря 1920 г. сделали свое последнее заявление: «Ввиду такого расхождения взглядов Народного Совета Абхазии и центральной власти по вопросу о порядке разработки и принятия Конституции Абхазии делегация выезжает обратно»¹³⁵. Ряд грузинских историков признают, что власти в Тифлисе «явно запоздали с принятием закона об автономии Абхазии»¹³⁶.

Откровенно шовинистическую политику меньшевики проводили в отношении не только абхазского, но и других народов Абхазии. Тысячи армянских и греческих крестьян покидали страну. Минуя НСА, в 1920 г. власти приступили к заселению Гагринского и Гумистинского уездов выходцами из Западной Грузии¹³⁷. В октябре 1920 г. НСА рассмотрел на своем заседании эту «преступную закулисную политику, которая ведет к аннулированию автономии Абхазии»¹³⁸. Бесцеремонно правительство Грузии вело себя и в других вопросах. Не считаясь со спецификой Абхазии, где многонациональное население общалось на русском языке, меньшевики в целях осуществления программы «национализации» (грузинизации) края навязывали стране грузинский язык. На заседании АНС 25 июля 1918 г. было принято постановление: «Ввиду интернациональности нашего края оставить государственным языком русский». 27 июля Варлам Шервашидзе выразил протест в связи с «грузинизацией» правительственных

учреждений Абхазии и заменой русского языка грузинским¹³⁹. Изучение грузинского языка навязывалось школам¹⁴⁰. С критикой правительства в этом вопросе 2 августа 1919 г. в Учредительном собрании Грузии выступил Л. Шенгелая (писатель Лео Киачели). Он напомнил: «Некоторые забывают абхазскую действительность, которая заключается в том, что большинство населения Абхазии говорит на русском языке, и это происходит не только в самой Абхазии, но и в Самурзакане, где большинство населения составляют мингрелы. И поэтому проведение национализации одним наскоком нанесет серьезный ущерб нам»¹⁴¹.

С января 1920 г. в крае без ведома НСА и Комиссариата прямым распоряжением из Тифлиса был введен «военно-чрезвычайный суд», который в течение нескольких месяцев казнил 20 человек и предал суду еще 129. В сентябре 1920 г. на заседании НСА М. Тарнава отметил: «Суд введен в Абхазии не теми органами, кому принадлежит это право... Здесь нарушены права автономии...»¹⁴². В мае того же года по поводу сложившейся ситуации депутаты Барциц и Алания заявили: «Автономии нет, само существование Совета не имеет основания...»¹⁴³.

Несмотря на протесты НСА, малая конституционная комиссия Грузии 29 декабря 1920 г. рассмотрела проект «Положения об автономном управлении Абхазией» без участия представителей Народного Совета. Вместе с тем на заседании НСА, состоявшемся в Сухуме 4 января 1921 г. под председательством В. Шервашидзе, был одобрен доклад конституционной делегации, которая выразила в Тифлисе протест Президиуму Учредительного собрания в связи с ущемлением законодательных прав Народного Совета при разработке Конституции Абхазии. «До сих пор Народный Совет всеми мерами старался не допустить обострения трений, – заявил 4 января 1921 г. В. Шервашидзе, – считая своей основной задачей организацию государственной власти здесь, на месте. Но время шло, уже три делегации командировались Народным Советом по данному вопросу, а автономия Абхазии до сих пор не оформлена»¹⁴⁴.

Только в дни свержения правительства Грузинской республики Учредительное собрание 21 февраля 1921 г. приняло Конституцию Грузии. Однако применительно к Абхазии она не имела никакого значения и не вступила в силу. Кроме того, она нарушила статью 2-ю Акта от 20 марта 1919 г., признанного тогда и Учредительным собранием Грузии. Кстати, и Ментешашвили в «Разысканиях» (С. 284) вынужден признать: «К сожалению, Учредительное собрание Грузии совместно с абхазскими представителями *не разработало* (выделено мною. – С.Л.) Конституцию для автономной Абхазии». О чем же, спрашивается, тогда речь?

Очень важным является и тот факт, что абхазский народ бойкотировал выборы в это самое Учредительное собрание, в связи с чем оно было лишено правовых оснований на оформление так называемой автономии Абхазии. В мае 1920 г. в прессе отмечалось: «Партийная (меньшевистская. –

С.Л.) среда живет под тяжелым впечатлением разобщения с абхазской интеллигенцией, явившегося в результате непринятия абхазским населением участия в выборах в Учредительное собрание»¹⁴⁵.

Помимо сказанного, статья 107-я Конституции Грузии носила расплывчатый характер, и трудно понять, о какой автономии, культурной или иной, шла речь. К тому же, как следует из статьи 108-й, «Положение об автономном управлении» вообще не было выработано, а без него ни о какой «автономии», понятно, и речи не могло быть. В связи с этой «неувязкой» А. Ментешашвили, как и ранее¹⁴⁶, силится доказать в «Разысканиях» (С. 282–283), что «Положение» якобы было утверждено вместе с Конституцией, однако из текста самой Конституции Грузии 21 февраля 1921 г. (ст. 108) следует, что оно находилось лишь в процессе разработки.

VIII

С конца 1919-го по февраль 1921 г. расстановка политических сил вокруг Грузии несколько раз претерпевала серьезные изменения. В последние месяцы 1919 г. военное положение Советской России изменилось кардинально: Юденич был уничтожен, Деникин отброшен на юг и разгромлен. С ликвидацией Добровольческой армии, являвшейся буфером между Советами и Закавказьем, Грузия оказалась на краю пропасти. В свое время генерал Деникин неоднократно предупреждал Тифлис о возможности именно таких военно-политических последствий.

В создавшейся новой обстановке советское правительство стало предлагать никем не признанной Грузии военный союз для ликвидации остатков Добровольческой армии, опасаясь, что они могут сорганизоваться и закрепиться на новом плацдарме. Однако Н. Жордания, не осознавая до конца всю плачевность своего положения, 14 января 1920 г. в Учредительном собрании хвастливо заявил: «Вы знаете, что Советская Россия нам предложила военный союз. Мы ей наотрез отказали в этом... Пути Грузии и России здесь разошлись. Наш путь ведет в Европу, путь России – в Азию... Предпочту империалистов Запада фанатикам Востока!».

Но страны Антанты, учитывая реальное положение дел, не спешили юридически признавать Грузию. Западные дипломаты постарались объяснить Жордания, каким путем следует идти грузинскому правительству, чтобы получить их признание. Этот путь лежал через Москву, и высокопарные слова Жордания оказались преждевременными. Очень быстро он заговорил другим языком: «Ясно было, что с Россией, хотя и ослабленной, очень считались, не хотели ее расчленения. Я решил начать переговоры с Москвой о признании...»¹⁴⁷. Советская Россия признала Грузию де-юре, заключив с ней 7 мая 1920 г. мирный договор в обмен на легализацию местных большевистских организаций. Таким образом, была ли Россия «белой» или «красной» – с ней вынуждены были считаться как с великой державой, независимо от смены

ее политической «расцветки». И что бы там ни говорили и ни провозглашали сегодня, официально и юридически Грузия до 7 мая 1920 г. оставалась в сфере влияния Российского государства.

Только после одобрения Кремлем Демократическую республику Грузия признали Германия (24 сентября 1920 г.), Бельгия, Франция, Англия, Италия, Япония (27 января 1921 г.), Польша (28 января 1921 г.), Австрия (17 февраля 1921 г.), Румыния (18 февраля 1921 г.), Люксембург (23 февраля 1921 г.) и даже Мексика (14 апреля 1921 г.), в которой, видимо, и не подозревали, что Грузинская республика прекратила свое существование в феврале 1921 года... Многие историки любят перечислять этот список государств, но при этом умалчивают об одном чрезвычайно важном обстоятельстве. 9 апреля 1991 г. о нем (возможно, с подачи самого А. Ментешашвили) на чрезвычайном заседании Верховного Совета республики Грузия говорил Звиад Гамсахурдиа: «Однако руководящие круги крупных европейских стран, особенно Великобритании, отдавали предпочтение политическому смягчению отношений с уже победившей в Гражданской войне Россией и поэтому *официально признавали проблемы Грузинской республики внутренним делом России* (выделено мною. – С.Л.)»¹⁴⁸. Руководствуясь именно этим обстоятельством, Англия и Франция сделали невозможным вступление Грузии в Лигу Наций 16 декабря 1920 г.¹⁴⁹ Грузия уже тогда была обречена, и события в ней рассматривались как внутреннее дело России.

Возвращаясь к советско-грузинскому договору от 7 мая 1920 г., необходимо отметить, что А. Ментешашвили, Л. Тоидзе и другие авторы подчеркивают, что тогда РСФСР юридически признала Сухумский округ «безусловно входящим в состав Грузинского государства»¹⁵⁰. Но, во-первых, договор от 7 мая не мог быть распространен на Абхазию, так как с июня 1918 г., т.е. за два года до подписания этого документа, ее территория была аннексирована Грузинской республикой в результате интервенции. Во-вторых, в этом договоре ничего не говорится об Абхазии, как и ее «автономии» (напомню, что, по утверждению грузинских историков, Абхазия с 1918 г. была «автономией»); в нем лишь сказано о Сухумском округе. Правовед А.С. Автономов в этой связи пишет: «...Этот договор лишь признавал факт нахождения территории за рекой Псоу под контролем грузинских войск, при этом в нем ничего не говорилось о судьбе Абхазии»¹⁵¹.

Известно, какую неразбериху вызвали статьи договора о границах Грузии. Последовали энергичные протесты со стороны Азербайджана по Закатальскому округу и Армении, которая оспаривала территории Тифлисской губернии и Батумской области. Об Абхазии говорить было некому, а Сталин и Орджоникидзе находились в ближайшем окружении Ленина и уже задумывались о будущих границах советской Грузии, прекрасно понимая, что заключенный договор имеет условный и временный характер. Поэтому исключительно по тактическим соображениям все тогдашние территориальные притязания Грузии были полностью учтены и удовлетворены Лениным.

Как же относились к этому договору и к ситуации вокруг него в Москве? Вождь Красной Армии Л. Троцкий, прекрасно владевший обстановкой, писал: «Меньшевистское правительство пережило весной 1920 г. острый период страха и капитулировало. Когда же оно не без изумления убедилось, что занесенный кулак не опускается на его голову, оно решило, что переоценило опасность, и стало по всей линии бить отбой»¹⁵². Эта переоценка была связана с новыми обстоятельствами – у советской России возникли затруднения на польском фронте и с Врангелем, и Грузия вновь повела себя вызывающе. Все это учитывалось Москвой, но, по словам Троцкого, тогда большевики «не видели политического интереса в ликвидации меньшевистской Грузии», так как хорошо знали, что, «если им наступить на ногу», они «будут кричать на всех языках демократической цивилизации»¹⁵³. Между тем события в Грузии приближались к развязке, и народные настроения там «не отличались от общерусских». Население все больше «сочувствовало большевикам, а... правительство не могло организовать оборону»¹⁵⁴.

Грузия, пытавшаяся восстановить свою государственность на принципах «самоопределения и мира без аннексий», в то же время оккупировала Абхазию, подвергла жесточайшим репрессиям осетин и заявила претензии на русские и армянские территории. В результате она запуталась в клубке созданных ею самой противоречий. В феврале 1921 г. советский переворот в Грузии, совершенный при активном участии Красной Армии, был неизбежен. Однако и сегодня его представляют, по словам Троцкого, как внезапный «набег советского волка на невинную Красную Шапочку меньшевизма»¹⁵⁵. Правительство Жордания не оказало почти никакого сопротивления малочисленным советским войскам. По свидетельству грузинского генерала Г. Квинитадзе¹⁵⁶, большевистский командарм Геккер просил у Москвы всего 35 тыс. солдат для завоевания Грузии. Эмигрантский историк Д. Вачнадзе писал, что Грузия давала в Русскую армию 160 тыс. воинов. Против большевиков же, свидетельствовал генерал И. Одишелидзе¹⁵⁷, страна смогла выставить всего «18 000 штыков при 46 орудиях и шести эскадронах». Иронически описывает он сбор особого батальона народной гвардии, который вместо обещанных 1500 человек «вышел из Тифлиса на театр войны в составе 240 человек, но зато на его проводах было сказано 240 речей»¹⁵⁸.

25 февраля 1921 г. Красная Армия вошла в Тифлис. Политику Грузии этого периода справедливо охарактеризовал известный юрист-международник, видный деятель Грузинской республики З. Авалов (Авалишвили). «Правительство Грузии мыслилось ее вождями как демократическое – в отличие от строя советского, – писал он в эмиграции в 1924 г. – На деле Грузия, конечно, вовсе еще не удовлетворяла требованиям представительной демократии. Внешние формы последней прикрывали здесь диктатуру грузинской социал-демократической партии... В начале 1921 года Грузия имела в лице своего правительства и в образе Учредительного собрания простую креатуру партийной организации... В конце пути правительство Грузии

очутилось на столь узеньком карнизе, что сбросить его вниз оказалось возможным простым щелчком... Грузинская демократия 1918–1921 гг., бывшая формой диктатуры социал-демократии, т.е. марксизма правого крыла, являлась периодом подготовительным к торжеству в Грузии диктатуры советской. Всем своим содержанием социальной политики и духом своим демократия эта... обращена была на деле в сторону Москвы, а не Европы. И этим создавалось коренное противоречие с той европейской ориентацией ее внешней политики, которой Грузия держалась настойчиво до лета 1920 г.»¹⁵⁹.

Гражданская война подходила к своему завершению. Россия восстановила свой контроль над Закавказьем. Страны Антанты, которых привлекал «запах бакинской нефти», постигло разочарование. «Путь в Баку ведет через Батум – Тифлис, – отмечал Троцкий. – Этот последний пункт является стратегическим фокусом Закавказья... Борьба идет из-за нефти и марганца. Нефтепромышленникам все равно как дорваться до нефти: через Деникина, через мусульманскую партию мусават или через ворота “национального самоопределения”»¹⁶⁰.

IX

Период оккупации Абхазии Грузинской республикой завершился в марте 1921 г. О политических и экономических последствиях меньшевистского правления в Абхазии писатель Исаак Бабель в 1922 г. сообщал: «А меньшевики, эти роковые мужчины, разломали все вдребезги. Поистине, в этом феерическом и плодородящем саду, который называется Абхазией, научаешься с особой силой ненавидеть эту разновидность вялых мокриц, которые наследили здесь всеми проявлениями своего творческого гения. За два года (за три. – С.Л.) своего владычества они успели разрушить все жизненные учреждения города, отдали лесные богатства на разграбление иностранным акулам и объявлением табачной монополии добились вконец нерв страны»¹⁶¹.

Борьбу за политическую самостоятельность, государственную независимость абхазского народа начали не представители большевистской партии, а созданный 8 ноября 1917 г. Абхазский Народный Совет. События того времени необходимо рассматривать в контексте Гражданской войны. Если в 1918 г. идея советской власти не получила широкой поддержки у народов Абхазии, то к 1921 г. условия общественно-политической жизни коренным образом изменились. Изменилась и тактика большевиков в крае. Учитывая серьезные промахи и ошибки, допущенные в феврале и весной 1918 г., абхазские большевики стали принимать во внимание местные особенности и позаимствовали у разгромленного АНС идею восстановления самостоятельной государственности. Вслед за установлением 4 марта 1921 г. советской власти, 31 марта они декларировали независимость абхазского государства в форме ССР Абхазия, т.е. воплотили в жизнь столь популярный в народе тезис о политическом самоопределении.

Советская власть в крае имела свои особенности и не сопровождалась массовым террором. Она оказалась более гибкой в сравнении с недавним грузинским владычеством. Во многом эта необычная для новой власти тенденция объясняется тем, что ее утверждение в Абхазии совпало с проведением в советской России новой экономической политики (НЭПа). В этот период Абхазия действительно была небольшим островком мирной размеренной жизни. Но так продолжалось, к сожалению, недолго¹⁶².

В совокупности с внутренними объективными потребностями образованию независимой ССР Абхазии способствовал и международный фактор, а не сомнительный тезис некоторых грузинских историков о якобы наказании Грузии за провозглашение независимости в 1918 г. Известно, что еще с октября 1920 г., после I съезда народов Востока, большая группа абхазских большевиков во главе с Е. Эшба и Н. Лакоба была переправлена в Турцию¹⁶³. Впоследствии Эшба отмечал, что ездил в Турцию по личному поручению Ленина для «выполнения очень ответственной задачи». «Я был во главе особой группы в поездке по Анатолийской Турции, в Ангоре (Анкаре. – С.Л.), у Кемаль-паши», – писал он¹⁶⁴.

В Трапезунде (Трабзоне) с помощью батумских абхазов и семьи Джихоглы Н. Лакоба установил контакт с высшими военными и гражданскими руководителями Турции. Его группа опиралась на многочисленную абхазскую диаспору Турции. Кемаль-пашу окружали некоторые влиятельные абхазы, и в первую очередь ближайший тогда соратник Ататюрка Рауф Орбай (абхазская фамилия Ашхаруа) – будущий председатель правительства Турции. Вероятнее всего, основная задача, поставленная перед группой, заключалась в том, чтобы Турция отказалась от Батума и Батумской области, что вполне вписывалось в контекст подготавливаемого советско-турецкого договора. Известно, например, что Эшба, Михаил Лакоба и Константин Инал-ипа из Трапезунда направились в Самсун, а затем «выехали в резиденцию к Кемаль-паше». В личной анкете Н. Лакоба от 14 октября 1936 г. указано, что его группа оставалась в Турции до марта 1921 г.

К 4 марта 1921 г., дню установления советской власти в Сухуме, ни Эшба, ни Лакоба еще не вернулись из Турции. Они прибыли лишь 6 марта. В тот же день при участии представителей 9-й Красной Армии здесь был сформирован высший законодательный и распорядительный орган власти – Ревком Абхазии в составе Е. Эшба (председатель), Н. Лакоба и Н. Акиртава. Начал функционировать и руководящий партийный центр – Оргбюро РКП(б) в Абхазии¹⁶⁵.

Основы советско-турецкого договора были выработаны уже в феврале 1921 г. Ленин и Кемаль-паша проявляли исключительную заинтересованность в достижении соглашения. Спустя месяц, 16 марта 1921 г., в Москве между РСФСР и представителями Великого национального собрания Турции был подписан договор о дружбе и братстве. Турция обязывалась, в частности, признать право ССР Грузии на Батум, а через два дня после

подписания договора, 18 марта 1921 г., в Аджарии была установлена советская власть¹⁶⁶.

Абхазская группа во главе с Эшба действовала по поручению Ленина в направлении заключения договора с Турцией на выгодных для РСФСР условиях. Не случайно поэтому, что их деятельность «совпала» по времени с наиболее ответственным моментом выработки данного соглашения. И лишь в первых числах марта 1921 г., когда поставленная Москвой задача была успешно решена, группа покинула Турцию. Как только Эшба и Лакоба прибыли в Абхазию, на совещаниях Ревкома мгновенно встал вопрос о провозглашении независимой ССР Абхазии. 26 марта 1921 г. Ревком Абхазии сообщил Ленину об этом своем постановлении¹⁶⁷. Окончательное решение по данному вопросу, конечно же, было принято в Москве непосредственно Лениным, что признают и грузинские историки (Л. Тоидзе), а Г. Орджоникидзе выполнял лишь роль исполнителя и был далеко не в восторге от подготовленного абхазами проекта (см. полемику Эшба и Орджоникидзе по прямому проводу 27 марта).

Скорее всего столь решительная позиция Ревкома Абхазии и его председателя Е. Эшба основывалась на обещании Ленина предоставить «независимость» Абхазии в случае успешного завершения «абхазской миссии» в Турции. По всей видимости, посвященные в суть дела влиятельные политические лица абхазской диаспоры, и в первую очередь Рауф Орбай, оказали сильное влияние на Кемаль-пашу по вопросу о передаче Батума. Далеко не случаен и тот факт, что вопрос о провозглашении абхазской государственности стал вплотную решаться сразу после подписания 16 марта 1921 г. договора между РСФСР и Турцией. Косвенно эта мысль подтверждается и самим «Батумским совещанием».

Почему же именно Батум, только что благодаря «абхазской миссии» отошедший к Грузии, стал местом провозглашения независимой ССР Абхазии?

31 марта 1921 г. об итогах «Батумского совещания» Эшба по прямому проводу сообщил Ленину¹⁶⁸, а то, что вождь большевиков одобрил тогда создание независимой ССР Абхазии, подтверждают документ ЦК РКП(б)¹⁶⁹ и декларация Ревкома Грузии «О независимости ССР Абхазии», принятая 21 мая 1921 г.

В конце концов сам факт пусть кратковременного, но существования «независимой» ССР Абхазии признают и грузинские историки. Так, Л. Тоидзе пишет: «Ясно, что объявление Абхазии советской социалистической республикой было связано не только с именем В. Ленина... Естественно, к этому приложил руку и И. Сталин, хотя оба прекрасно понимали временный и формальный характер этой “независимости”» (С. 298). Ученый считает, что Сталин всегда поддерживал Абхазию, и приводит несколько его высказываний, относящихся к маю 1918 г. и февралю 1921 г., т.е. ко времени, когда большевики боролись с меньшевистской Грузией. Но тогда его оценки били в одну цель – свалить правительство Жордания, и в упомяну-

тых публикациях Сталин никогда не говорил о независимом существовании Абхазии. После победы советской власти в Грузии Сталин постоянно препятствовал какому-либо независимому существованию Абхазии, о чем свидетельствует целый ряд документов 1921 г. (см. А. Ментешашвили. С. 285). Даже при очень большом желании Сталина трудно заподозрить в проабхазских настроениях. Скорее напротив.

Будучи наркомом по делам национальностей, он набирал силу в Кремле, и Ленин не мог не учитывать его и Орджоникидзе негативного отношения к абхазской независимости. Для Ленина мнение этих его ближайших соратников, конечно же, «весило» значительно больше, чем точка зрения Ефрема Эшба – человека Л. Троцкого. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в письмах Ленина 1921 г., о которых упоминают А. Ментешашвили и Л. Тоидзе, тема Абхазии отсутствует. Совершенно ясно, чем была продиктована такая позиция: Ленин фактически отдал абхазский вопрос на откуп «грузинских товарищей». Сам Ильич был одержим идеей мировой революции и мыслил масштабами не грузий и абхазий, а континентов и «азий». Тогда ему нужен был договор с Атаюрком, и он отдал ему все, кроме Батума. Почему он пошел на такие уступки? Да потому, что был уверен – договор кратковременный, и Турция вот-вот станет еще одной советской республикой. Однако этим надеждам не суждено было оправдаться.

Несмотря на мощнейшее противодействие, *независимая ССР Абхазия просуществовала с 31 марта 1921 г. по 17 февраля 1922 г., и этот факт отрицать невозможно.*

В феврале 1922 г. состоялся I съезд Советов Абхазии, который ратифицировал «особый союзный договор» между Грузией и Абхазией. Договор явился результатом сильнейшего давления со стороны Сталина – Орджоникидзе. В декабре 1922 г. представитель ССР Абхазии Н. Акиртава поставил свою подпись под Договором об образовании СССР. Абхазия тогда не входила в Грузию, а объединялась с ней в качестве договорной республики. Характер межгосударственных отношений Абхазии и Грузии нашел свое отражение и в Конституциях Грузии 1922 и 1927 гг. В последней, например, подчеркивалось, что ССР Грузия является федеративным государством (ст. 2).

В 1924–1925 гг. были утверждены Герб и Флаг ССР Абхазии, приняты законодательные акты конституционного характера, введены в действие кодексы: уголовный, гражданский, уголовно-процессуальный, земельный, лесной. Первая Конституция ССР Абхазии была принята в апреле 1925 г. III Всеабхазским съездом Советов. Абхазия приняла тогда свою Конституцию в качестве «союзной» республики, в то время как автономии не имели своих конституций. В этот период ССР Абхазия по своему статусу являлась не автономной, а союзной республикой, имевшей статус суверенного государства (ст. 5 Конституции Абхазии 1925 г.). *По сути дела, это была последняя попытка со стороны Сухума пересмотреть взаимоотношения Абхазии с Грузией.*

Об этом говорит 5-я статья Конституции: «ССР Абхазия есть суверенное государство, осуществляющее государственную власть на своей территории самостоятельно и независимо от другой какой-либо власти. Суверенитет ССР Абхазии, ввиду добровольного ее вхождения в ЗСФСР и Союз ССР, ограничен лишь в пределах и по предметам, указанным в Конституциях этих Союзов... ССР. Абхазия сохраняет за собой право свободного выхода как из состава ЗСФСР, так и из Союза ССР» (цитирую по «Разысканиям». С. 304–305). Языком государственных учреждений в Абхазии признавался русский.

Данная Конституция, конечно же, была безоговорочно принята съездом. Иначе зачем надо было Заккрайкому РКП(б) выносить 6 сентября 1925 г. постановление, в котором, в частности, говорилось: «*пересмотреть Конституцию ССР Абхазии, принятую на III съезде Советов Абхазии*»? Отдельные грузинские историки заявляют, что Конституция 1925 г. якобы подлежала утверждению некими вышестоящими структурами. Но высшим органом власти являлся тогда Съезд Советов Абхазии, решение которого считалось окончательным.

Абхазскими и грузинскими учеными совершенно упускается из виду тяжелая атмосфера, в которой принимались подобные решения. Никто из них не обратил внимания на то, почему съезд состоялся чуть позже назначенного времени. Не знают они и о том, что *самое непосредственное участие в его подготовке принимал Л. Троцкий*, находившийся тогда в Абхазии. «Весною 1925 года мы жили с женой на Кавказе, – вспоминал он, – в Сухуме, под покровительством Нестора Лакобы, общепризнанного главы Абхазской республики»¹⁷⁰. В начале марта Троцкого посетили в Сухуме друзья, посол СССР во Франции Х. Раковский и нарком почт и телеграфов И. Смирнов. Ближайший сподвижник Троцкого Христиан Раковский, выступая в Сухуме 5 марта, отметил: «В связи с сессией Союзного Центрального Исполнительного Комитета, которая заседает в Тифлисе, было постановлено, чтобы члены правительства посетили разные кавказские республики. На меня выпала доля, раньше других, приветствовать молодую Абхазскую Социалистическую Республику. Мы даем всему миру пример, как нужно решать национальный вопрос»¹⁷¹.

Раковский, безусловно, был вполне осведомлен об абхазских планах. Сталин в это время начинал борьбу с Зиновьевым и Каменевым, а в рядах партийной бюрократии всюду шептались о возможном союзе Сталина с Троцким. Авель Енукидзе и Нестор Лакоба искренне надеялись на перемену курса, и оба, по словам Троцкого, «подняли головы»¹⁷². На предстоящем съезде, который готовился принять Конституцию Абхазии, должны были присутствовать Л. Троцкий, А. Мясников, С. Могилевский, Г. Атарбеков и другие видные деятели партии. Однако 22 марта 1925 г. «юнкерс», на котором вылетели Мясников, Могилевский и Атарбеков, пилотируемый летчиками Шпилем и Сагарадзе, загорелся в воздухе и рухнул вблизи тифлисского аэродрома. В тот же день Лакоба выступил на траурном заседании

Совнаркома. Большую речь по поводу трагической гибели своих друзей произнес 23 марта на митинге в Сухуме Троцкий, который прозрачно намекнул на убийство: «...Какая-то техническая случайность, а может быть, и не случайность, – мы пока что причин этой катастрофы не знаем – во всяком случае, что-то постороннее, лежащее вне борьбы, вне обычной жизни, вне организма этих товарищей, что-то внешнее пересекло одним ударом их жизнь... Вряд ли мы дознаемся когда-либо с точностью о действительных причинах гибели. Ведь живых свидетелей того, что произошло, нет!»¹⁷³.

Наиболее видной фигурой среди погибших был А. Мясников, член Президиума ЦИК СССР, член Реввоенсовета СССР, бывший секретарь Закавказского крайкома. Ключевые посты занимали С. Могилевский, председатель Закавказской ЧК, и Г. Атарбеков, уполномоченный СССР в ЗСФСР. Троцкий тогда говорил о Мясникове: «Он летел сюда, в Абхазию, на Съезд Советов, но, к несчастью, не долетел...»¹⁷⁴.

Этой акцией Сталин решал сразу несколько задач, и заместитель Могилевского по Закавказской ЧК Л. Берия получил соответствующий приказ. В свое время кадровый чекист Сурен Газарян заявил по этому поводу: «История когда-нибудь прольет свет на это дело и выявит зловещую роль Берия»¹⁷⁵. После гибели своих единомышленников, которую он назвал «тройным ударом», Троцкий спешно выехал из Сухума в Тифлис.

Несмотря на то что позиции Абхазии оказались сильно подорванными и съезд лишился мощной поддержки, Н. Лакоба все же провел в начале апреля 1925 г. III съезд Советов Абхазии, который и принял Конституцию суверенной Абхазии. Можно ли не учитывать все эти сложные политические обстоятельства, когда исследователи касаются вопросов проведения абхазского съезда и принятия им Конституции? Таким образом, очень важный правовой акт был зафиксирован. И совершенно неважно, о чем потом, 2 декабря 1925 г., говорил Лакоба в Тифлисе на IV съезде Компартии Грузии, – ведь над ним уже нависал «дамоклов меч». Он остался без союзников, без иллюзий, а политическая судьба Троцкого была практически предрешена. И в этой наисложнейшей ситуации начался закономерный откат назад не только Лакоба, но и Абхазской республики. По мере укрепления власти Сталина статус Абхазии неуклонно понижался, и в феврале 1931 г. договорная ССР Абхазия была преобразована в автономную республику – Абхазская АССР – и включена в состав Грузинской ССР, в которой и находилась вплоть до 1991 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гордадзе Т. Морально-идеологические препятствия к разрешению грузино-абхазского конфликта // Абхазия – Грузия. Препятствия на пути к миру. Сухум, 2000. С. 38–47.

² Анчабадзе Г. Изучение вопросов этнической истории абхазов на фоне грузино-абхазского конфликта // Аспекты грузино-абхазского конфликта. Материалы грузино-абхазской конференции. Конобеево (Московская область). 1999. Ирвайн, 2000. С. 20–70.

³ Радио «Свобода». 2000. 27 апреля. – Грузия и Шеварднадзе: интервью Тенгиза Гудава с Леваном Бердзенишвили.

⁴ The Abkhazians / G. Hewitt ed. London, 1999. P. 288.

⁵ Hewitt G. Abkhazia: a Problem of Identity and Ownership // *Central Asian Survey*. 1993. Vol. 12. № 3. P. 267–323.

⁶ Hewitt G. The Role of Scholars in the Abkhazians' Loss of Trust in the Georgians and How to Remedy the Situation // *The New World Disorder and Caucasus*. Haarlem, Netherlands, 1998. P. 115–125.

⁷ Анчабадзе Г. Изучение вопросов... С. 33.

⁸ Он же. Попытки нейтрализации грузино-абхазского конфликта методами народной дипломатии // Материалы грузино-абхазской конференции. Сочи, март. 1999. Ирвайн, 1999. С. 14.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 16.

¹¹ Лакоба С. Асланбей. К вопросу о политическом противоборстве в Абхазии в первой трети XIX столетия. Сухум, 1999.

¹² *Свободная Грузия*. 1992. 14 мая.

¹³ См.: *Заря Востока*. 1990. 25 июля; *Народное образование*. 1990. 29 июля; Ментешаивили А. Из истории взаимоотношений грузинского, абхазского и осетинского народов. Тбилиси, 1990. С. 19–22. См. также ответные статьи С. Лакоба в газетах *Советская Абхазия* (1990. 14 августа) и *Единение* (1991. № 3).

¹⁴ Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975.

¹⁵ Сборник сведений о Кавказских горцах. Тифлис, 1872. С. 26.

¹⁶ Фадеев А.В. Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии. Сухум, 1932.

¹⁷ Авалиани С. Крестьянский вопрос в Закавказье. Т. 2. Одесса, 1913.

¹⁸ Сургуладзе А. Грузинская демократическая интеллигенция в трех революциях (1900–1921 гг.). Тбилиси, 1986. С. 242 (на груз. яз); Ментешаивили А. Из истории взаимоотношений... С. 19–22.

¹⁹ Лежава Г.П. Из истории рабочего класса Абхазии. 1921–1941 гг. Тбилиси, 1978; Он же. Изменение классово-национальной структуры населения Абхазии (конец XIX в. – 70-е гг. XX в.). Сухуми, 1989.

²⁰ *Тифлисский вестник*. 1877. 9 ноября. № 245.

²¹ Сборник сведений о Кавказских горцах. Тифлис, 1870. С. 23–24.

²² История Абхазии / Под ред. С. Лакоба. Сухум, 1991; Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953 гг. / Сост. Б. Сагария, Т. Ачугба, В. Пачулия. Сухум, 1992; Кварчия В.Е., Ачугба Т.А. Об этнической и демографической ситуации в Абхазии в прошлом и настоящем // *Литературная Абхазия*. 1992. № 2; Ачугба Т. «Этническая революция» в Абхазии: по следам грузинской периодики XIX в. Сухум, 1995; Он же. О национальном составе Абхазии: 2-я половина XIX–XX вв. Сухум, 1999.

²³ Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.). Горская республика (1918–1920 гг.). Документы и материалы. Махачкала, 1994. С. 4–5, 134.

²⁴ Центральный государственный архив Абхазии (далее – ЦГАА). Ф. И–39. Д. 1. Л. 1.

²⁵ Центральный государственный военно-исторический архив РФ (далее – ЦГВИА РФ). Ф. 1300. Оп. 1. Д. 130. Л. 135 об.

²⁶ Цит. по: Ментешаивили А., Сургуладзе А. Только факты и документы // *Литературная Грузия*. 1989. № 11. С. 146.

- ²⁷ *Тарнава Мих.* Воспоминания.
- ²⁸ *Анчабадзе З.В.* Очерк этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976. С. 89–90.
- ²⁹ *Литературная Грузия.* 1989. № 11. С. 146; *Ментешашвили А.* Из истории взаимоотношений... С. 11.
- ³⁰ ЦГАА. Ф. И–39. Д. 6. Л. 22–23.
- ³¹ Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919. С. 312–313.
- ³² История Абхазии. С. 291.
- ³³ *Ahmet Nazir Hizal.* Kuzey Kafkasya. Ankara, 1961. P. 143.
- ³⁴ *Северный Кавказ* (Варшава). 1937. № 37. С. 13.
- ³⁵ *Авалов З.* Независимость Грузии в международной политике 1918–1921 гг. Париж, 1924; Нью-Йорк, 1982. С. 68.
- ³⁶ *Вестник Грузии.* 1991. 29 марта; *Гамахария Д., Чания В.* «Оккупация Абхазии»: мифы и реальность?! // *Свободная Грузия.* 1991. 27, 30 апреля, 1, 2, 3 мая. См. также ответы С. Лакоба в газетах *Абхазия* (1991. 19 мая–18 июня. № 21–24) и *Единение.* (1991. № 3, 5).
- ³⁷ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 3. Берлин, 1924. С. 46–47.
- ³⁸ *Троцкий Л.* Соч. Т. 12. М., [1925]. С. 231.
- ³⁹ ЦГАА. Ф. И–39. Д. 6. Л. 4.
- ⁴⁰ *Деникин А.И.* Очерки... Т. 3. С. 46.
- ⁴¹ ЦГАА. Ф. И–39. Д. 6.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Подробнее см.: История Абхазии. С. 295–296.
- ⁴⁴ Цит. по: *Литературная Грузия.* 1989. № 11. С. 150–151; *Ментешашвили А.* Из истории взаимоотношений... С. 16.
- ⁴⁵ История Абхазии. С. 295–296.
- ⁴⁶ *Литературная Грузия.* 1989. № 11. С. 151.
- ⁴⁷ ЦГАА. Ф. И–39. Д. 3. Л. 2.
- ⁴⁸ Там же. Л. 4 об.
- ⁴⁹ Там же. Л. 26.
- ⁵⁰ Там же. Л. 6, 12, 14, 30.
- ⁵¹ Там же. Л. 18 об.
- ⁵² Там же. Д. 6. Л. 11, 11 об.
- ⁵³ *Деникин А.И.* Очерки... Т. 3. С. 48–49.
- ⁵⁴ См.: Материалы по истории Абхазии. Вып I. Сухум, 1990.
- ⁵⁵ Там же. С. 8–9.
- ⁵⁶ Архив русской революции. Т. 6. Берлин, 1922. С. 114.
- ⁵⁷ Союз объединенных горцев. С. 132.
- ⁵⁸ Там же. С. 133–135.
- ⁵⁹ *Zhordania N.* My life. Stanford, 1968. P. 98.
- ⁶⁰ *Аветисян Г.* К вопросу о «Кавказском доме» и пантюркистских устремлениях // Этнические и региональные конфликты в Евразии: В 3-х кн. Кн. 1. Центральная Азия и Кавказ / Под общ. ред. А. Малащенко, Б. Коппитерс, Д. Тренин. М., 1997. С. 140.
- ⁶¹ *Лакоба С.* К вопросу о Кавказской конфедерации. Абхазия и Грузия: вместе или врозь? // Грузины и абхазы. Путь к примирению / Под общ. ред. Б. Коппитерс, Г. Нодия, Ю. Анчабадзе. М., 1998. С. 157–158.

- ⁶² *Киладзе С.* Единство Кавказа: попытка выхода из кризиса // *Тбилисский меридиан*. 1997. № 1. С. 20–22.
- ⁶³ Союз объединенных горцев. С. 197.
- ⁶⁴ *Vechoffer С.Е.* In *Denikin's Russia and the Caucasus, 1919–1920*. London, 1921. P. 14.
- ⁶⁵ *Деникин А.И.* Очерки... Т. 3. С. 49, 243, 241.
- ⁶⁶ *Воробьев Н.* О неосновательности притязаний грузин на Сухумский округ (Абхазию). Ростов-на-Дону, 1919.
- ⁶⁷ *Деникин А.И.* Очерки... Т. 3. С. 242–243; Деникин – Юденич – Врангель. М.; Л., 1927. С. 96–97.
- ⁶⁸ Архив русской революции. Т. 9. Берлин, 1923. С. 171–172.
- ⁶⁹ ЦГАА. Ф. И–39. Д. 6. Л. 37–40.
- ⁷⁰ Там же. Д. 7. Л. 1–2.
- ⁷¹ Там же. Д. 6. Л. 49–50.
- ⁷² *Деникин А.И.* Очерки... Т. 3. С. 48.
- ⁷³ ЦГАА. Ф. И–39. Д. 3. Л. 20.
- ⁷⁴ Там же. Л. 7–9 об.
- ⁷⁵ *Ингороква П.* О границах территории Грузии. Константинополь, 1918 (на груз. яз).
- ⁷⁶ *Ментешаивили А.* Из истории взаимоотношений... С. 34–39.
- ⁷⁷ Там же. С. 37–38.
- ⁷⁸ См: *Единение*. 1991. № 3.
- ⁷⁹ См.: *Тулумджян А.* Из истории революционного движения в Сочинском округе в 1905–1907 гг. Сухуми, 1958. С. 12–23.
- ⁸⁰ См.: *Единение*. 1991. № 3.
- ⁸¹ См. также: *Ментешаивили А.* Из истории взаимоотношений... С. 19.
- ⁸² См.: *Лежсава Г.П.* Из истории рабочего класса Абхазии.
- ⁸³ *Ментешаивили А.* Из истории взаимоотношений... С. 31.
- ⁸⁴ *Деникин А.И.* Очерки... Т. 3. С. 49.
- ⁸⁵ *Ментешаивили А.* Из истории взаимоотношений... С. 53.
- ⁸⁶ Цит. по: *Ачугба Т.* О национальном составе. С. 31.
- ⁸⁷ *Басария С.* Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-Кале, 1923.
- ⁸⁸ *Лакоба С.* Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990. С. 68–73.
- ⁸⁹ *Деникин А.И.* Очерки... Т. 3. С. 241.
- ⁹⁰ Документы и материалы по внешней политике. С. 411.
- ⁹¹ Там же. С. 392.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Там же. С. 408.
- ⁹⁴ Архив русской революции. Т. 6. Берлин, 1922. С. 105.
- ⁹⁵ Документы и материалы по внешней политике. С. 413.
- ⁹⁶ Там же. С. 408.
- ⁹⁷ *Деникин А.И.* Очерки... Т. 3. С. 242.
- ⁹⁸ ЦГАА. Ф. И–39. Д. 3. Л. 31, 31 об.
- ⁹⁹ *Абхазия*. 1991. 4 июня. № 22.
- ¹⁰⁰ ЦГАА. Ф. И–39. Д. 6. Л. 77, 77 об.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 73–75.
- ¹⁰² *Наше слово*. 1918. 11, 12, 14 октября; *Единение*. 1991. № 2.
- ¹⁰³ Там же.

- ¹⁰⁴ См. статьи Гамахария Д., Папаскири З., Чания В. в *Сабчота Апхазети* (1990. 3, 4 августа) (на груз. яз.).
- ¹⁰⁵ *Zhordania N.* My life.
- ¹⁰⁶ *Троцкий Л.* Соч. Т. 12. С. 207–208.
- ¹⁰⁷ *Ментешашвили А.* Из истории взаимоотношений... С. 26–27.
- ¹⁰⁸ *Троцкий Л.* Соч. Т. 12. С. 216.
- ¹⁰⁹ Ср. статью А. Ментешашвили в «Разысканиях» (С. 272–273) 1999 г. и его работу «Из истории взаимоотношений» (С. 26–27) 1990 г.
- ¹¹⁰ См.: *Лакоба С.* «И не земля здешняя нам нужна» // *Единение*. 1991. № 3. С. 8; История Абхазии. Сухум, 1991; История Абхазии. Гудаута, 1993. С. 309.
- ¹¹¹ Деникин – Юденич – Врангель. С. 96–97.
- ¹¹² *Литературная Грузия*. 1989. № 11. С. 156.
- ¹¹³ *Троцкий Л.* Соч. Т. 12. С. 216–217.
- ¹¹⁴ *Наше слово*. 1919. 21 марта.
- ¹¹⁵ Там же.
- ¹¹⁶ Там же. 22 марта.
- ¹¹⁷ Речь С. Чанба была опубликована на абхазском языке в газете *Апсны* 5 апреля 1919 г., дается в подстрочном переводе академика Х.С. Бгажба. См. также: История Абхазии. 1991; 1993. С. 313–314.
- ¹¹⁸ Деникин – Юденич – Врангель. С. 98.
- ¹¹⁹ *Наше слово*. 1919. 21 марта; *Литературная Грузия*. 1989. № 11. С. 155–156; *Лакоба С.* Очерки политической истории Абхазии. С. 74–75; История Абхазии. С. 314–315.
- ¹²⁰ *Наше слово*. 1919. 14 июня.
- ¹²¹ *Ментешашвили А.* Из истории взаимоотношений... С. 29–30.
- ¹²² Демократическое правительство Грузии и английское командование. Тифлис, 1928. С. 54–57.
- ¹²³ *Наше слово*. 1919. 15 июня.
- ¹²⁴ ЦГАА. Ф. И–39. Д. 16. Л. 1–2; Абхазский государственный музей (далее – АГМ). Ф. 3. Оп.1. Д. 39. Л. 57–58.
- ¹²⁵ *Троцкий Л.* Соч. Т. 12. С. 223–224.
- ¹²⁶ *Деникин А.И.* Очерки... Т. 3. С. 48.
- ¹²⁷ *Тарнава Мих.* Воспоминания.
- ¹²⁸ *Социал-демократ*. 1919. 20 октября. № 87.
- ¹²⁹ Там же.
- ¹³⁰ ЦГАА. Ф. И–39. Д. 20а. Л. 3.
- ¹³¹ Там же. Л. 3 – 3 об.
- ¹³² Там же.
- ¹³³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 85. Оп. 15. Д. 42. Л. 13–19; АГМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 39. Л. 117–119.
- ¹³⁴ *Слово*. 1920. 9 ноября.
- ¹³⁵ *Литературная Грузия*. 1989. № 11. С. 157.
- ¹³⁶ *Свободная Грузия*. 1991. 3 мая.
- ¹³⁷ *Дзидзария Г.А.* Очерки истории Абхазии (1910–1921 гг.). Тбилиси, 1963. С. 325–326; *Сагария Б.Е.* История повторяется / *Бзыбь*. 1989. 30 октября.
- ¹³⁸ *Слово*. 1920. 9 ноября.
- ¹³⁹ ЦГАА. Ф. И–39. Д. 7.
- ¹⁴⁰ *Наше слово*. 1919. 20 ноября.

- ¹⁴¹ *Литературная Грузия*. 1989. № 11. С. 160.
- ¹⁴² ЦГАА. Ф. И-39. Д. 18. Л. 210, 214.
- ¹⁴³ Там же. Л. 136–138.
- ¹⁴⁴ АГМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 54. Л. 20–27 об.
- ¹⁴⁵ *Наше слово*. 1920. 6 мая.
- ¹⁴⁶ См.: *Литературная Грузия*. 1989. № 11.
- ¹⁴⁷ См. статью А. Ментешашвили в журнале *Литературная Грузия* (1990. № 2. С. 176–177).
- ¹⁴⁸ *Свободная Грузия*. 1991. 10 апреля
- ¹⁴⁹ *Литературная Грузия*. 1990. № 2. С. 190–192.
- ¹⁵⁰ Ментешашвили А. Из истории взаимоотношений... С. 56.
- ¹⁵¹ Автономов А.С. О государственно-правовых отношениях между Грузией и Абхазией в настоящее время // *Национальные интересы*. М., 2000. № 1. С. 33.
- ¹⁵² Троцкий Л. Соч. Т. 12. С. 230.
- ¹⁵³ Там же. С. 243.
- ¹⁵⁴ *Русский временник*. Париж, 1938. № 2. С. 89.
- ¹⁵⁵ Троцкий Л. Соч. Т. 12. С. 272, 244.
- ¹⁵⁶ *Кавказ*. 1937. № 6–7.
- ¹⁵⁷ Там же. 1936. № 3.
- ¹⁵⁸ *Русский временник*. 1938. № 2. С.88.
- ¹⁵⁹ Авалов З. Независимость Грузии... С. X, XI, XIV.
- ¹⁶⁰ Троцкий Л. Соч. Т. 12. С. 241–242, 277.
- ¹⁶¹ См.: *Заря Востока*. 1922. 29 октября. № 112.
- ¹⁶² Данилов С. Трагедия абхазского народа // *Вестник Института по изучению истории и культуры в СССР*. Мюнхен, 1951. № 1.
- ¹⁶³ Подробнее см.: Лакоба С. Очерки политической истории... С. 79–84.
- ¹⁶⁴ Дзидзария Г.А. Ефрем Эшба. Сухуми, 1983. С. 64.
- ¹⁶⁵ Революционные комитеты Абхазии. Сб. документов и материалов. Сухуми, 1961. С. 32.
- ¹⁶⁶ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983. С. 25.
- ¹⁶⁷ Сагария Б.Е. Национально-государственное строительство в Абхазии (1921–1931 гг.). Сухуми, 1970. С. 26.
- ¹⁶⁸ Там же. С. 25–27.
- ¹⁶⁹ Он же. Образование и укрепление советской национальной государственности в Абхазии. 1921–1938 гг. Сухуми, 1981. С. 43.
- ¹⁷⁰ Троцкий Л. Портреты революционеров / Сост. Ю. Фельштинский. Бенсон, 1988; Лакоба С. Очерки политической истории... С. 109–110.
- ¹⁷¹ Там же. С. 108.
- ¹⁷² Троцкий Л. Портреты революционеров. С. 252.
- ¹⁷³ *Трудовая Абхазия*. 1925. 25 марта
- ¹⁷⁴ Троцкий Л. Соч. Т. 8. М.; Л., 1926. С. 267–268; *Правда*. 1925. 31 марта. № 73.
- ¹⁷⁵ См.: *Свободная Грузия*. 1998. 3 июля. № 167.